

РАФФАЭЛЛО
УБОЛДИ

Запрещенный
РЕПОРТАЖ

РАФФАЭЛЛО УБОЛДИ

Запрещенный РЕПОРТАЖ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1959

Servizio proibito

RAFFAELLO UBOLDI

GIULIO EINAUDI EDITORE

1 9 5 8

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Автор книги «Запрещенный репортаж» — видный итальянский журналист, в 1957 году прожил некоторое время в расположении алжирских патриотов, где он имел возможность на месте ознакомиться с национально-освободительным движением алжирского народа и, в частности, с боевой деятельностью Армии национального освобождения.

Книга, написанная ярко и увлекательно, переносит читателя в конкретную обстановку суровой борьбы алжирского народа за свою свободу, показывая непреклонную волю алжирских патриотов добиться национальной независимости.

«Запрещенный репортаж» убедительно разоблачает клеветнические утверждения французских колонизаторов, будто национально-освободительное движение в Алжире, которое с 1 ноября 1954 г. и поныне носит характер вооруженной борьбы, организовано извне, и показывает, что оно порождено коренными интересами алжирского народа, объективно совпадающими с интересами всех колониальных народов, борющихся против империалистического господства.

В приложении, кроме документов, включенных в книгу автором (Манифест секретариата Фронта национального освобождения (ФНО), обнародованный 1 ноября 1954 г., заявление ФНО о «Революционной доктрине и политической программе алжирского Сопротивления» и др.), приведена выдержка из статьи Первого секретаря Алжирской коммунистической партии т. Ларби Бухали «Алжир принадлежит алжирцам», опубликованной в октябре 1958 г. в журнале «Проблемы мира и социализма». В ней содержатся ценные исторические сведения об алжирском национально-освободительном движении и об участии в нем Алжирской коммунистической партии.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИТАЛЬЯНСКОМУ ИЗДАНИЮ

Раффаэлло Уболди, специальный корреспондент газеты «Аванти»¹, прожил месяц среди бойцов алжирской Армии национального освобождения; он разделял с ними нелегкую жизнь партизан в лесах, участвовал в боях, знакомился с деятельностью гражданских, административных и правовых учреждений, которые теперь создаются в районах, контролируемых Армией национального освобождения. Уболди в этой книге суммировал плоды своего опыта, переработав и обогатив статьи, опубликованные им в газете «Аванти». Эта книга — не только репортаж об увиденном, в ней заключена первая попытка определения исторического места алжирского национального движения, начиная со дня вооруженного восстания 1 ноября 1954 г., и дан политический анализ этого движения.

Статьи Уболди уже вызвали международный отклик: это произошло после судебного преследования, которое было возбуждено французскими властями против двух крупных французских органов печати, опубликовавших выдержки из этих статей. Когда французское правительство наложило секвестр на номер еженедельника «Франс обсерватор» от 12 декабря 1957 г., многочисленные деятели французской культуры выступили с решительным протестом.

Раффаэлло Уболди родился в Милане 16 ноября 1926 г. На протяжении десяти лет своей журналистской деятельности он был спецкором газеты «Аванти» в Китае, Северном Вьетнаме, Сирии, Северной Африке; по поручению своей газеты он присутствовал на Женевской конференции и на других международных встречах. Шесть лет тому назад он был назначен руководителем международного отдела газеты «Аванти» и занимает этот пост по настоящее время.

---

¹ Газета «Аванти» («Вперед») — центральный орган Итальянской социалистической партии.— *Ред.*

В ТУНИСЕ. Я ВСТУПАЮ В КОНТАКТ С ФРОНТОМ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Джип бесшумно остановился у кучи поленьев, сваленных посреди дороги, которая служит границей между Алжиром и Тунисом. Бойцы алжирской Армии национального освобождения (АНО) поджидали меня здесь у обочины дороги, но я их сразу не заметил. Справа, на тунисской территории, гора круто спускается к дубовой роще. Слева, на территории Алжира, открывается зеленый простор, и лишь кое-где, словно точки среди этого зеленого массива, видны беловатые каменные глыбы и кусты ежевики. На небольшом протяжении перед нами вьется красноватая лента дороги, а затем и она исчезает за нагромождением скал, на самой вершине которых видны развалины заброшенного форта. Кажется, будто вокруг ни души. Но капитан Лайссани, сопровождавший меня сюда от Г., отдает приказ — и тогда кустарник, деревья, скалы внезапно оживают, повсюду появляются фигуры солдат в кепи с козырьком, в захваченных у французских солдат черных, голубых и серых пилотках, в мундирах цвета горчицы, похожих на походное обмундирование солдат американской морской пехоты, в высоких,

доходящих до щиколотки ботинках на каучуковой подошве. Солдат здесь с десяток. Все они очень молоды — им от 16 до 18 лет, — лица у них загорелые, а в глазах можно прочесть любопытство, вызванное моим появлением. Лайссани показывает мне виднеющуюся вдали темно-голубую полосу — это море, омывающее побережье Алжира между Боном и Ла-Калле. Отсюда, с высоты более тысячи метров, море еще хорошо видно. Серебристая струя говорит о появлении на его поверхности французского корабля; должно быть, это сторожевое судно, патрулирующее территориальные воды Алжира, чтоб воспрепятствовать выгрузке оружия, предназначенного для Армии национального освобождения.

К нам подбегает офицер. У него на груди, слева, серебряная звездочка: это значит, что он носит звание младшего лейтенанта. Он пожимает мне руку, и я замечаю, что на его руке недостает двух пальцев — указательного и среднего. Позднее узнаю, что оба пальца он потерял в Индо-Китае, в одной из засад на дороге, ведущей из Ханоя в Нинь-бинь.

Сейчас два часа дня. Только сегодня утром я был в Г., вчера покинул С.-эль-А., а позавчера был еще в Тунисе. Вступить в контакт с делегатами алжирского Фронта национального освобождения, ведающими внешними сношениями, было нетрудно. В Тунисе один из моих друзей снабдил меня адресом — Рю де Корс, 42. Эта оживленная улица с множеством лавок, где торгуют кустари, начинается вблизи порта и проходит параллельно большому авеню Бургиба. Другой мой друг, алжирский журналист, покинувший Париж после того, как во Франции был принят закон, предоставлявший французскому правительству особые полномочия по подавлению на территории метрополии «терроризма», написал мне короткое, всего в несколько строчек, рекомендательное письмо к Буменжилю, бывшему советнику Французского Союза, недавно перешедшему в ряды ФНО. Он совершил этот шаг после того, как в одной из тюрем Алжира, не выдержав полицейских пыток, умер его брат. Дом 42 на Рю де Корс не отличается какими-либо особыми приметами. Входная дверь заперта. Я нажимаю кнопку, под которой кто-то мелкими черными буквами вывел надпись «Пресса», и слышу, как внутри здания раздается звонок. Вскоре после этого легкий шорох и щелчок дают

мне знать, что электрическая система открытия двери сработала. Вхожу, закрываю за собой дверь и поднимаюсь по лестнице. На первом этаже еще одна запертая дверь, я снова нажимаю кнопку звонка; мне открывают, и я прохожу в небольшую прихожую. Меня встречает высокий молодой человек в поношенных, надетых на босу ногу туфлях и в черной, облегающей грудь шерстяной фуфайке, которая подчеркивает его худобу. Я прошу его предоставить мне возможность поговорить с Буменжилом. Он предупреждает меня, что ждать придется полчаса, если не больше, и предлагает мне ознакомиться с некоторыми пропагандистскими изданиями Фронта национального освобождения.

Сажусь на деревянный диван, который при этом скрипит самым угрожающим образом, и оглядываюсь по сторонам. Комната выглядит мрачно, она полна пыли, темна и походит на зал ожидания провинциальной мэрии. Существенное отличие составляют лишь зелено-белый флаг со звездой и красным полумесяцем посередине, который свисает с одной из стен, и стоящее в углу пианино. Приходят двое коллег — Жан Шовель из «Фигаро» и Томас Брэди из «Нью-Йорк таймс». Их интересуют сведения о последнем пленарном заседании Исполнительного комитета координации (ИКК) — высшего руководящего органа алжирского национально-освободительного движения. Моих коллег встречают весьма любезно. Им говорят, что заседание ИКК еще продолжается и, следовательно, нет возможности сообщать какие-либо сведения для прессы. Где собрались деятели ИКК? Ответ: Неизвестно. Будет ли коммюнике? Ответ: Возможно. Шовель и Брэди уходят. Наконец меня проводят в кабинет Буменжиля. Меня встречает плотный блондин среднего роста, на лице у него сердечная улыбка. Весьма вероятно, что Буменжилю предстоит выполнение весьма важных функций в политической организации ФНО, хотя сегодня он и занят деятельностью, имеющей второстепенное значение, — осуществляет контакты с иностранными журналистами, желающими как можно лучше ознакомиться с алжирским Фронтом национального освобождения и его прямым ответвлением — Армией национального освобождения. Буменжиль выслушал мою просьбу и обещал сделать все, что в его силах, чтобы связать меня с «военными», которые в свою очередь возьмут на себя

задачу обеспечить мой переход на алжирскую территорию с одним из боевых подразделений Армии национального освобождения. Затем он назначает мне новую встречу. Она состоится завтра в доме 24 по улице Эс-Садикиа.

Я покидаю Рю де Корс и захожу в редакцию «Пти матэн» — газеты, издающейся на французском языке и проводящей линию благожелательной оппозиции к президенту Бургиба. Здесь я знакомлюсь с последними известиями. Мне говорят, что члены Исполнительного комитета координации, вероятнее всего, заседают в гостинице «Мажестик», где остановился Ферхат Аббас, один из наиболее влиятельных членов этого штаба алжирской революции. Ферхат Аббас прибыл в Тунис позавчера из Женевы, где он проживает, поддерживая косвенный контакт с европейскими правительствами, включая и французское, ввиду возможных переговоров об урегулировании алжирского конфликта. Политический путь Ферхата Аббаса весьма примечателен. Ему пятьдесят восемь лет; выходец из довольно состоятельной арабской семьи, он получил высшее фармацевтическое образование; его следует отнести к числу тех алжирцев, которые искренне считали возможным сотрудничество с Францией. Будучи лидером Демократического союза алжирского манифеста (ДСАМ) — умеренной националистической партии, которая вербовала своих членов главным образом из числа интеллигентов и представителей средних слоев, Ферхат Аббас до 1939 г. считал возможным объединение Алжира с Францией и ассимиляцию арабов с французами. В те годы он писал: «Я вопрошал историю, я вопрошал живых и мертвых, я посещал кладбище, никто не говорил со мной об алжирской родине... Мы отбросили химеры и мечты, чтоб окончательно связать наше будущее с французской деятельностью в Алжире». Однако с 1944 г. он ориентируется на создание Алжирской республики в рамках федерации с Францией. В 1945 г. Ферхат Аббас подвергается аресту, затем его освобождают, избирают депутатом от алжирского округа; в 1947 г. он возлагает надежды на Нежелена, в 1955 г. — на Сустеля, в 1956 г. — на Ги Молле и Лакоста, пока, наконец, окончательно не переходит на сторону алжирской революции — в мае 1956 г. Ферхат Аббас бежит в Каир, чтобы присоединиться к Фронту национального освобождения.

Гостиница «Мажестик», в которой остановился Ферхат Аббас, одна из самых старых в Тунисе. Это солидное, внушительное здание, с просторными салонами и очень длинными коридорами. Я прибываю туда вовремя и вижу Ферхата Аббаса. На нем безупречный темный костюм, в руках кожаная папка; он сдает в бюро ключи от своего номера и затем широкими шагами пересекает холл гостиницы, направляясь к выходу. Рядом с ним идет еще довольно молодой человек высокого роста, в очках с массивными стеклами. Это Рамдан Аббан, также член ИКК. Ему 37 лет, по происхождению он кабил, выходец из семьи со скромным состоянием; он окончил университет в Алжире, затем служил административным секретарем в мэрии Шатодюн дю Рюммель. Член Движения за торжество демократических свобод (ДТДС) — революционной националистической партии, он в 1950 г. был арестован, подвергся пыткам и был осужден на шесть лет тюрьмы. Вначале Рамдан Аббан отбывал заключение в Тулузе, затем в Эльзасе, а в 1955 г., выйдя на свободу, тотчас же направился к партизанам Крим Белькасема и стал у них политическим комиссаром. Если Ферхат Аббас представляет умеренное крыло ИКК, то Рамдана Аббана обычно считают лидером наиболее непримиримой группы. Сейчас они бок о бок, как два спокойных деловых человека, проходят по холлу гостиницы «Мажестик». Вот они вышли из гостиницы, сели в большую черную машину, которая быстро удалилась...

Сейчас восемь вечера. В одиннадцать редакция «Пти матэн» получает сообщение о том, что Национальное собрание Французской республики поручило формирование правительства Феликсу Гайяру¹. В новом правительстве Лакост² сохраняет пост министра-резидента в Алжире. По вопросу о конфликте в Алжире позиция

---

¹ *Гайяр, Феликс* (р. 1919) — французский политический деятель, радикал-социалист; неоднократно был министром; с 5 ноября 1957 г. по 15 апреля 1958 г. был председателем Совета Министров Франции. Считается политическим ставленником Рене Мейера — доверенного лица Ротшильдов. — *Ред.*

² *Лакост, Робер* (р. 1898) — французский политический деятель, правый социалист. В феврале 1956 г. был назначен министром по делам Алжира. Под маской так называемого «умиротворения» Лакост продолжал усиливать войну в Алжире. — *Ред.*

Гайяра не отличается от позиции его предшественников — Ги Молле¹ и Буржес-Монури². Вот к чему она сводится:

- 1) прекращение огня без каких-либо условий;
- 2) отказ от обсуждения с лидерами ФНО проблемы независимости Алжира;
- 3) всеобщие выборы.

Вскоре после полуночи становится известным заключительное коммюнике пленарного заседания Исполнительного комитета координации. В коммюнике содержатся следующие основные пункты:

1. ФНО настаивает на созыве мирной конференции с участием представителей Франции, Туниса, Марокко и лидеров алжирского национально-освободительного движения.

2. ФНО намерен вести переговоры о взаимозависимых связях между Францией и независимым Магрибом³ (Алжир, Тунис, Марокко).

3. Признание независимости Алжира является непременным условием для прекращения огня и начала переговоров.

На следующий день коммюнике ИКК комментировали все тунисские газеты («Депеш», «Пресс», «Пти матэн», «Аль-Амаль», «Аксьон»). Суждения оказались противоречивыми. По мнению одних, «военные» навязали свою точку зрения «политикам». Другие видят в непримиримости ФНО логичный ответ на непримиримость французского правительства. Правительственная газета «Аль-Амаль» опубликовала интервью президента Бургиба, который предложил свои «добрые услуги»⁴ для посредничества и рекомендовал обеим находящимся в конфликте сторонам проявить умеренность. После полудня

¹ *Молле, Ги* (р. 1905) — французский политический деятель, правый социалист. С сентября 1946 г. — генеральный секретарь Французской социалистической партии. С 1 февраля 1956 г. по май 1957 г. был председателем Совета Министров Франции. Под нажимом алжирских ультраколониалистов проводил политику усиления войны в Алжире. — *Ред.*

² *Буржес-Монури, Морис* — французский политический деятель, радикал-социалист. С 11 июня по 30 сентября 1957 г. был председателем Совета Министров Франции. С 5 ноября 1957 г. по 15 апреля 1958 г. был министром внутренних дел в правительстве Феликса Гайяра. — *Ред.*

³ *Магриб* — название стран Северо-Западной Африки. — *Ред.*

⁴ *«Добрые услуги»* — дипломатические мероприятия какого-либо государства по примирению спорящих или воюющих государств. — *Ред.*

Бургиба примет членов ИКК, а вслед за ними его посетит посол Франции Горс, которого правительство вызывает в Париж для консультации. Орган ФНО — газета «Муджахид» в специальном выпуске сообщает, что на заседании в Тунисе присутствовали все члены ИКК, а именно: Ферхат Аббас, Рамдан Аббан, Ламин Дебагхин, Абдель Хамид Мехри, Крим Белькасем, Амар Умран, Бен Тобаль, Абдель Хафид Бусуф, Махмуд Шериф. «Муджахид» отмечает, кроме того, что на заседании присутствовали «духовно» пять остальных членов ИКК, захваченных французами и в настоящее время заключенных в одну из тюрем Парижа: Хосин Айт-Ахмед, Бен Белла, Рабах Битат, Мохаммед Буддиаф, Мохаммед Хидер. Та же газета приводит и некоторые дополнительные сведения о заседании ИКК. Так, по сообщению «Муджахида», в заседании на правах члена с совещательным голосом принял участие Язид, глава делегации, направленной ФНО в Нью-Йорк с целью привлечь к алжирской проблеме внимание Организации Объединенных Наций. Заседание ИКК состоялось в Тунисе, а не в Каире по двум следующим причинам: во-первых, члены ИКК стремились быть ближе к алжирской территории, и, во-вторых, они хотели опровергнуть выдвигаемые против ФНО обвинения в панарабизме. Наконец, «Муджахид» пишет, что Фронт национального освобождения не может отказаться от требования признания независимости Алжира до прекращения огня, ибо:

«У нас нет ни правительства, ни государства, ни нации. Наша армия в одно и то же время и наше правительство, и наше государство, и наша нация. Мы не можем приказать нашей славной Армии национального освобождения сложить оружие до тех пор, пока Франция не предоставит действенных доказательств своей доброй воли, согласившись на переговоры с лидерами алжирской революции и торжественно признав перед лицом всего мира независимость Алжира».

За ночь ФНО расклеил на улицах Туниса воззвания, напоминающие о приближении 1 ноября — памятной даты начала алжирского восстания. В обращении, адресованном к «алжирскому народу, офицерам, унтер-офицерам, солдатам АНО и ко всем активистам ФНО», сказано:

«Вот уже три года, как алжирская нация единодушно поднялась на историческую битву за свою независимость.

Сегодня мы призываем вас взглянуть вместе с нами на пройденный путь, чтоб лучше понять, что еще остается сделать. Накануне революции политические партии, в задачу которых входило формирование и направление энергии народа, были не только разделены, но и враждовали друг с другом. Движение за торжество демократических свобод было охвачено внутренним кризисом и осуждено на неподвижность. В не лучшем положении находились и другие национальные партии. Французские колониалисты торжествовали. Но народ, исполненный ненависти и горечи, не покорился. Группа молодых активистов, искренних патриотов и подлинных революционеров решила перейти к действию. Был избран комитет из девяти членов, и он подал сигнал к вооруженному восстанию. Некоторые из членов этого комитета пали славной смертью: не стало Бен Булаида, Дидуше и Бен Махди. Но чудо свершилось: за шесть месяцев горстка людей, не имевших денег, располагавших ограниченными средствами, сумела в атмосфере открытого пессимизма ценой гигантских усилий собрать, организовать и вооружить в обстановке полной секретности 3 тысячи человек. Первого ноября, когда настал час икс, первая сводка ФНО известила о революционном взрыве. Было опубликовано «Воззвание к алжирскому народу и борцам за революционное дело». В нем содержалось все — программа и средства борьбы, внутренние и внешние цели, а также, что особо примечательно, платформа для возможных переговоров с Францией. Нанеся противнику первый сильный удар, бойцы Армии национального освобождения отошли в горы Аурес, в горы Меджерда, в области Оран. И там, продолжая борьбу, они организуют народ и армию. Это потребовало от активистов и бойцов беспримерного духа самопожертвования, абсолютной веры, сверхчеловеческой сопротивляемости. Прошел только один год борьбы, когда АНО уже смогла частично перейти от партизанских действий к регулярным военным действиям. Технические службы армии — интендантство, связь, санитарная служба и другие — расширились. Став подлинно современной армией, Армия национального освобождения непрерывно пополняла свои ряды и повышала свой потенциал: сегодня АНО ведет войну против одной из самых сильных армий мира.

Наступает вторая фаза борьбы — учреждение свободной администрации на всей территории Алжира. 20 августа 1956 г. мы видим, как плоды всех этих усилий увенчались созывом конгресса в Суммаме. На этом конгрессе было осуществлено единство командования, сформулирована доктрина борьбы ФНО. В то же время наша внешняя делегация приступила к дипломатической битве, вынуждая противника к обороне и в той области, в которой он считал свое превосходство неоспоримым.

Трудно сосчитать наши победы на внутреннем и внешнем фронтах. Они стали возможны благодаря героической борьбе нашего народа, благодаря самопожертвованию его сынов, павших на поле битвы. Десятки тысяч алжирских мужчин, женщин и детей вписали свои имена в книгу жертв — почетную книгу истории нового Алжира. После трех лет борьбы, страданий, кровопролития и жертв спасены честь и достоинство алжирского народа. Мы решились победить, и мы победим, потому что наше дело справедливо, наша вера нерушима, наша боеспособность высока.

Алжирский народ, Армия национального освобождения, активисты ФНО — освободительная война продолжается. Вперед, к свободе!»

Другие воззвания меньшего формата извещают, что для «достойного празднования годовщины революции будет предпринято генеральное наступление всех сил АНО на алжирской территории».

Я прибываю на улицу Эс-Садикиа. Здание под номером 24 расположено почти напротив посольства Франции. Здесь я снова встречаю Буменжиля. Условливаемся с ним о третьей встрече: она происходит в расположенном поблизости кафе «Садикиа», и в ней участвует офицер АНО.

С владельцем кафе «Садикиа» меня познакомил один из моих французских коллег. Хозяин заведения — тулузец, покинувший родной город из-за «недоразумений» с полицией, характера которых он не уточняет. На сбережения, вывезенные из Тулузы, он открыл это маленькое кафе — места здесь ровно столько, сколько нужно, чтоб разместились стойка, четыре-пять столиков и пара небольших бильярдных. Офицер АНО ожидает нас за столиком в глубине комнаты. Он очень молод; верхняя губа у него изуродована ранением. Ему нравится подчеркнуто

страстная манера разговора, и заметно, что он очень горд успехами, достигнутыми АНО в военной и политической области после трех лет войны. Несомненно, что он абсолютно убежден в справедливости своего дела, что у него нет сомнений, раздумий, колебаний. Словом — это солдат и его ремесло — война. Под конец он, однако, поражает меня такой фразой: «Восемьдесят процентов наших людей любят Францию. Я сам говорю по-французски лучше, чем по-арабски. В этом, если хотите, одно из основных противоречий войны». По-видимому, я ошибся в оценке этого человека. Под маской спокойного труженика войны, возможно, скрыты запросы и проблемы более сложного и волнующего порядка. К сожалению, у меня нет времени, чтоб побеседовать с ним подольше.

— Мы увидимся, говорит он мне, — послезавтра в доме номер 26 на этой же улице.

Через два дня я поднимаюсь по ступенькам лестницы в доме номер 26 по улице Эс-Садикиа. Вхожу в комнату, переполненную беженцами из Алжира, которые просят зачислить их в ряды Армии национального освобождения, а также ранеными бойцами, выписавшимися из госпиталей, открытых АНО на территории Туниса. Теперь они ждут возвращения в свои части. Я уже ожидал снова услышать: «Увидимся завтра или послезавтра в таком-то доме, на такой-то улице...» Однако мне говорят, что все готово. Я выеду после полудня, вечером прибуду в С.-эль А., завтра буду в Г., а там меня ожидают люди, которые позаботятся о моем переходе через границу, на алжирскую территорию.

ЭТО АЛЖИР

В четыре часа пополудни мы выезжаем из Туниса на малолитражной машине «Дофин» и держим путь на С.-эль-А. В машине нас четверо: я, шофер и двое сопровождающих. Под пиджаком человека, сидящего рядом со мной, угадываю очертания пистолета. Шофер, который в конечном счете несет ответственность за успех этой маленькой экспедиции, испытывает желание поговорить. Бывший сержант французской армии, он недоволен всем и всеми. Во Франции он служил в полку, которым командовал полковник де Матью. «Поверьте мне, это настоящая свинья», — говорит шофер, воевавший в Италии, под Кассино, под Римом, и дошедший до самого Сан-Джи-

миньяно. После восьми лет службы в армии он получил французское гражданство и поселился в Париже. Как жилось в армии? Неплохо, но была разница в обращении с французскими и алжирскими солдатами. «Подытожьте ряд мелких, на первый взгляд не имеющих значения эпизодов — и вы поймете, почему люди становятся партизанами».

Вопросы и ответы сменяют друг друга в беспорядке. Где он жил в Париже? Сквер Монтолон. Почему покинул Францию? Полиция его не разыскивала, он только был внесен в список подозрительных лиц; и все же он счел нужным погрузить в машину жену и детей и направиться в Италию. Там он добрался до Неаполя, проделав в обратном направлении путь, уже пройденный им в 1943—1944 гг., а затем морем выехал в Тунис. Очевидно, что теперь он стремится только к тому, чтобы война поскорей окончилась и чтобы он мог вернуться в Париж, к своему дому, к своим друзьям, к своему кафе на углу сквера Монтолон. Но когда же кончится война?

Машина мчится среди красивых полей, окрашенных в коричневато-красный цвет. Мы останавливаемся в Б., чтоб выпить по стакану чаю. Вечереет, по улицам этого городка проносятся вереницы шумливых ребятишек. Выехав за пределы города, минуем кладбище, где белые мраморные кресты чередуются с мусульманским полу-месяцем. Кладбище, как объясняют мои попутчики, было открыто в годы последней мировой войны. Немецкая и американская артиллерия обстреливала эту зону с двух сторон, нанося страшные потери итальянским, немецким, французским, американским, алжирским и марокканским частям, прибывшим сюда со всех концов света.

Бывший сержант не в силах сдержать вспышку гнева: «Когда они начали подозревать, что я работаю для ФНО, мне сказали, что я плохой французский патриот. Это я-то? А ведь я был настолько хорошим патриотом, что во Франции голосовал за правых. Сначала они обещали независимость. Затем передумали и говорят: интеграция¹. Согласен. Да здравствует Франция! Пусть хоть бы на самом деле сделали нас равными, дали одинаковые права с французами...»

Двое других попутчиков пересмеиваются между собой и что-то говорят ему по-арабски. Бывший сержант

¹ Имеется в виду включение Алжира в состав Франции.— *Ред.*

качает головой и добавляет: «Трудно, по-настоящему трудно живется сегодня в Париже алжирцу...» Затем он умолкает до самого конца поездки. Я привел здесь этот разговор почти полностью, потому что он кажется мне достаточно показательным для отношения к Франции со стороны бойцов АНО в возрасте от 25 до 40 лет. Здесь смесь любви и ненависти, возможно, это такие же чувства, какие бывают при отвергнутой любви.

В С.-эль-А. мы прибываем ночью. У въезда в населенный пункт нас останавливают двое тунисских полицейских; они требуют, чтобы мы предъявили путевые документы для проверки. Бывший сержант отвечает довольно резко и едет дальше, не выполнив этого требования. Полицейские глядят на нас в нерешительности, а потом отходят в сторону, жестом давая понять, что они смирились. Мои попутчики говорят мне, что в С.-эль-А. на практике существуют две администрации: одна — официальная, тунисская, действующая открыто, другая — алжирская, которая находится на полулегальном положении.

Через С.-эль-А. к алжирской границе проходит значительное количество грузов. Обычно тунисская полиция «закрывает» на это глаза; впрочем, она все равно не была бы в состоянии помешать алжирцам. Мы въезжаем в С.-эль-А. Навстречу нам несется веселый собачий лай. Городок выглядит очень оживленным. Из бесчисленных открытых лавок на дорогу падает свет и доносится неслышимый шум голосов, неожиданный смех. В С.-эль-А. мы переночуем, а завтра утром выедем в Г.

Выходим из машины и направляемся в узкий и темный переулок, расположенный рядом с католической церковью; по этому переулку одновременно не пройдут и два человека; затем переступаем какой-то порог, и вот мы уже посреди окруженного по арабскому обычаю стеной маленького дворика, в который выходят окна нескольких комнат. В одной из них для нас уже приготовлены походные койки. В соседней комнате на шатком столике стоят тарелки с дымящимся кус-кусом¹ и огромная миска, полная разнообразной зелени — так называемый «тунисский салат». За столом сидят человек десять — бойцы и офицеры АНО, прибывшие с алжирской территории или возвращающиеся туда. С ними мой коллега — Ариэль

¹ Кус-кус — алжирское национальное блюдо — похлебка, приготовленная из баранины. — *Ред.*

Суттер, швейцарский фоторепортер, возвращающийся в Тунис после длительного пребывания «на той стороне».

В С.-эль-А. я встречаю полковника Омрама, которого не следует смешивать с носящим очень похожее имя Амаром Умран, военным руководителем Кабилии и членом ИКК. Полковник Омрам — командир Восточной базы, одной из важнейших баз военно-политической организации АНО, через которую обязательно проходят все оружие и другие материалы, доставляемые из Туниса частям АНО, сражающимся на территории Алжира. Восточная база охватывает всю территорию департамента Бон, то есть территорию, которая от алжирско-тунисской границы простирается в глубину от 120 до 80 километров, вплоть до самой линии Мориса (названной так по имени бывшего французского министра обороны, задумавшего ее сооружение). Длинной змеей выются вдоль этой линии проволочные заграждения, прикрывающие железную дорогу от Бона до Тебессы. Их назначение — препятствовать снабжению частей Армии национального освобождения. Сам полковник Омрам объяснил мне задачи Восточной базы и ее стратегическое расположение.

Здесь, в Восточной базе, сосредоточены четыре батальона, общей численностью в 2—3 тысячи человек. Помимо этого, здесь расположено несколько частей, специально занятых снабжением, разведкой и организацией диверсий на линии Мориса. К этому следует добавить и городские подпольные группы, которые находятся на полуавтономном положении. У командира базы три помощника: один — по военным вопросам, другой — по политическим, третий руководит разведкой и связью. Четыре батальона Восточной базы дислоцированы следующим образом:

Первый батальон. Командир — капитан Лайссани, контролирует треугольник, острие которого упирается в предместья Бона, а основание проходит у самой границы к югу от Тарфа. Территория, контролируемая первым батальоном, охватывает населенные пункты Ла-Калле и Лакруа.

Второй батальон. Командир — капитан Бен Салем. Контролирует полосу территории до населенного пункта Дьувивье и включающую пункт Лами.

Третий батальон. Командир — капитан Сид Мохамед. Контролирует район Сук-Ахрас, Гамбетта, шахты Уэнца

и полосу территории, простирающуюся вплоть до Тебессы.

Четвертый батальон. В целях прикрытия занимает алжирско-тунисскую границу. Командует батальоном майор Киши — помощник полковника Омрама по военным вопросам. По соседству с Восточной базой находятся другие части АНО, контролирующие район Константины, Аурес-Неметша и Южную, или Сахарскую, зону.

Я задаю полковнику Омраму ряд вопросов. Верны ли утверждения французской печати о том, будто военные действия на всей территории Восточной базы вступили за последнее время в полосу некоторого затишья. Вместо ответа полковник Омрам рассказывает мне об итогах боевых действий частей АНО за время с 1 по 20 октября в районе, контролируемом Восточной базой. В активе Восточной базы за это время числятся: столкновение с французскими войсками у Гамбетта, второе столкновение у Лавердюр и третье — у Заруриа; ряд стычек в результате засад вблизи Сук-Ахраса и в районе Медьес-Сфа; за это время семь французских фортов подверглись минометному обстрелу и были наполовину разрушены (Картазу, Тюильри, Уед Шук, Заруриа, Эль-Хамри, Айн-Сеннур, Эль-Эльмар); полному разрушению подвергся форт Мехери; десантные группы подрывников атаковали Лами, Айн-Нефран, Лавердюр, Сук-Ахрас, Дьювивье; линия Мориса была разрушена на участке протяженностью в 45 километров; повреждено двенадцать мостов, уничтожено 15 французских военных машин (среди них «ГМК», «Халфтрак», броневики и танки, которые подорвались на минах в зонах Сук-Ахрас, Медьес-Сфа, Эль-Эльмар). Французские войска за этот период потеряли более 300 человек убитыми и ранеными.

Следующий мой вопрос касается подлинной эффективности линии Мориса. Полковник Омрам отвечает, что эта линия является помехой, но она, конечно, не имеет решающего значения. Во-первых, линия Мориса расположена так, что оставляет открытым департамент Бон, контролируемый силами АНО (она, как я уже говорил, проходит примерно на расстоянии от 120 до 80 километров от алжирско-тунисской границы, вдоль железной дороги от Бона до Тебессы через Мондови, Дьювивье, Сук-Ахрас, Монтескье, Клерфонтен). Во-вторых, нейтрализация линии Мориса отнюдь не невозможна. Ее ши-

рина от 6 до 30 метров, она сплошь минирована, и сквозь проволочные заграждения пропущен электрический ток. Вдоль линии, на расстоянии примерно в 10 километров один от другого, расположены французские форты. Но ударные отряды Армии национального освобождения научились преодолевать линию Мориса; для ее прорыва они стреляют по минированной площади из минометов и базук¹, направляют на минные поля скот, но иногда гибнут и солдаты АНО, занимающиеся обезвреживанием мин. Все это делается ночью, а днем с французской стороны ведутся работы по восстановлению той части сетей Пенелопы, которую солдаты АНО разрушили за ночь. Мой третий вопрос к полковнику Омраму касается численности французских сил, противостоящих частям АНО в районе Восточной базы. Полковник Омрам полагает, что французы держат здесь по меньшей мере 20 тысяч человек. Французы контролируют города и деревни; АНО контролирует прилегающую к ним местность.

Чем объяснить, что Армия национального освобождения, несмотря на разницу в силах, одержала такие успехи? По мнению полковника Омрама, исключительная подвижность отрядов АНО, великолепное знание местности и помощь населения вполне компенсируют превосходство французов в людях и технике. «Франция держит в Алжире от 500 тысяч до 600 тысяч человек. В рядах АНО сражается около 100 тысяч солдат. Однако достаточно того, чтобы мы время от времени приближались к французским фортам и кричали: «Эй, ребята, мы еще здесь» — и Франция не может отозвать из Алжира хотя бы одного солдата».

Как сражаются французские солдаты? В общем сражаются они хорошо. Но наблюдаются резкие различия в боевом духе добровольцев, солдат Иностранного легиона, парашютистов, «цветных» войск и молодежи, которую присылают в Алжир отбывать военную службу по призыву.

Я спрашиваю, откуда получает АНО оружие, имеющееся в ее распоряжении. Полковник Омрам отказывается дать точный ответ. Думаю, однако, что это оружие

---

¹ Базука — пехотное противотанковое реактивное оружие, применяемое главным образом в армии США; представляет собой трубу диаметром около 90 мм.— *Ред.*

различного происхождения: часть его захвачена в боях с французскими войсками, часть закуплена в Ливии, Египте, Тунисе, Марокко, Италии, Югославии, Германии, Бельгии.

Задаю полковнику Омраму последний вопрос: сколько времени продлится эта война? Он пожимает плечами: «От французов, а не от нас зависит определить дату окончания войны. Что касается нас, то мы готовы сражаться еще десять лет, если потребуется».

Утром мы выезжаем в Г. Здесь, в старом гараже, меня поджидают джип, новый шофер и новая охрана. Мы снова мчимся по дороге, вдоль которой протянулись табачные плантации. Через несколько километров от тунисского таможенного поста машина сворачивает вправо, мы едем прямо по полю, а затем сворачиваем на проселочную дорогу, которая ведет в лес. Слышен чей-то пронзительный и долгий свист. Мы останавливаемся. Из густых зарослей выходит человек.

Все солдаты АНО, которых я встречал до сих пор на тунисской территории, были в штатской одежде. Выросший здесь передо мной человек одет в полотняный мундир, на нем фуражка с козырьком, у пояса пистолет в кобуре. Три позолоченных звездочки на левой стороне груди показывают, что он в чине капитана.

У него отрывистая речь, жесткие, нетерпеливые ноты в голосе. Подав мне руку, он говорит: «Я капитан Лайссани, командир первого батальона Восточной базы. Добро пожаловать к нам». Затем капитан садится в джип рядом с шофером. Люди из моей охраны, чтоб освободить для него место, убирают с сиденья два ручных пулемета и укладывают их в глубь машины. Джип совершает большой круг по лесу, чтоб миновать тунисский контрольный пункт, и, наконец, снова выезжает на дорогу. Мы в «ничейной» полосе земли, расположенной вдоль границы Туниса и Алжира. Дорога то идет в гору, то вьется у подножья горы среди дубовых рощ, в просветах между которыми зеленеют поляны. Вскоре Лайссани сообщает мне: «Это еще территория Туниса, вон там, по левую сторону дороги, начинается Алжир».

Французские заградительные посты? Лайссани объясняет, что весь этот район алжиро-тунисской границы полностью контролируется частями АНО, имевшиеся здесь небольшие французские заградительные посты были

уничтожены. Здесь мы еще у края войны. Французы укрылись в более важных фортах и в таких населенных пунктах, как Лакруа, Ла-Калле, Бон, Сук-Ахрас, Дьювивье, которые подобны островам в этом большом море леса.

Мы прибыли к месту назначения. Джип возвращается в Г. Мы же покидаем дорогу и углубляемся в открытое поле на алжирской территории. Слабый гул над нашими головами вынуждает капитана Лайссани скомандовать «Стой!» «Это «Б-26»», — лаконично сообщает он. Самолет едва можно различить, сверкающая точка на солнечном небе быстро исчезает из виду. Но капитан Лайссани из предосторожности приказывает нам войти в лес, и мы продолжаем свой путь среди деревьев. Через полчаса выходим на небольшую лужайку. Пропитанная водой почва сверкает, словно поверхность зеленоватого зеркала. За деревьями видны окружающие нас конические крыши гурби¹, которые выглядят словно береты, надетые на сероватые дубовые стволы. Куда ни глянешь — повсюду солдаты в военной форме. Они обедают, чистят оружие, шагают по лесу, занятые сотнями своих дел. «Мы в штабе первого батальона», — с некоторой гордостью говорит Лайссани, уподобляясь хозяину, показывающему гостям свой дом.

Я оглядываюсь по сторонам. Значит, это и есть Алжир. Эти вершины, эти скалистые склоны, этот теплый свет, эти искривленные стволы деревьев, эта каменистая почва, эти хижины из листьев, словно темные пятна, возникающие среди деревьев, — все это и есть Алжир.

Да, это Алжир, и теперь передо мной «люди с другой стороны», бойцы Армии национального освобождения, арабские крестьяне, рядовые участники войны. Кто они? Как они живут? Почему они воюют? Как они сражаются? Каковы их идеи, чувства, привязанности?

На все эти вопросы я постараюсь найти ответ.

В ШТАБЕ ПЕРВОГО БАТАЛЬОНА

На самой окраине расположенного у большой опушки леса поселка из хижин находится гурби капитана Лайссани. В нем размещен штаб первого батальона.

Для постройки гурби не требуется больших усилий. Достаточно возвести круговую каменную стенку высотой

---

¹ Хижины алжирских крестьян. — *Ред.*

в метр-полтора, оставив в ней пару отверстий, которые будут служить дверьми, а затем покрыть это строение конической крышей из ветвей и сухих листьев. Такая постройка, особенно если она вечерами обогревается большим костром, оказывается достаточно удобной. Поближе к огню растянута длинная подстилка, которая служит постелью мне и офицерам небольшого штаба батальона. Меблировку хижины завершает большой стол, на котором Лайссани со всевозможными предосторожностями хранит походную рацию; на том же столе находятся огромный сосуд для воды и небольшая коллекция автоматического оружия (пулеметы, пистолеты, ружья «маузер») — личное собрание Лайссани. Над оружием висит портрет Бен Белла, алжирского лидера, заключенного в одну из тюрем Парижа; весьма вероятно, что фотоснимок сделан в молодости; у Бен Белла лицо подростка и несколько удивленный взгляд, как бы обращенный в будущее.

Гурби Лайссани — единственная хижина, расположение которой позволяет видеть не только прилегающие к ней деревья, но лежащую внизу долину и находящиеся вдали вершины гор. Внизу протекает поток глинистой воды, глубоко зарывшийся в расщелину. Крестьянин, укутавшись в розоватого цвета галибию¹, деревянным плугом проводит в каменистой почве неровные борозды, громким голосом погоняя пару быков. Лайссани приказал перенести свой рабочий стол на залитую солнцем лужайку и здесь принимает следующих один за другим посыльных, докладывающих ему о военных операциях в районе Бона, Ла-Калле или Тарфа, а также об административной жизни района, находящегося под контролем первого батальона. Приказы написаны по-французски; стало быть, отряды АНО сообщаются друг с другом на языке врага.

Утром меня разбудили голоса солдат, вышедших на учение. Я встал и решил выйти из гурби, но забыл нагнуться и сильно ударился головой о каменную притолоку. Группа солдат в полной экипировке под командой сержанта маршировала по залитой водой земле, разбрызгивая грязь ногами. Сержант не просто выкрикивал, а выпаливал слова команды, и, думаю, солдаты, как и все солдаты на свете, в душе проклинали его.

¹ Галибия — верхняя одежда алжирских крестьян. — *Ред.*

Под прикрытием леса другая группа солдат упражнялась в разборке и сборке пулемета. Временами слышно тиканье радиопередатчика, поддерживающего связь с командованием базы. Позднее, часам к восьми утра, я различаю вдалеке стрельбу французских батарей. Сейчас совершается прорыв через дорогу, связывающую между собой различные французские форты. В ночное время горные дороги находятся под контролем партизан. С первыми лучами солнца французы восстанавливают свое господство над путями сообщения, предварительно «очищая» минометным огнем поля вдоль дорог, чтобы убедиться, что их конвой не подстерегают засады. К 9 часам утра из лесу доносится ритмичное постукивание крестьянских топоров — рубят пробковый дуб. Деревья наголо очищают от коры, обнажая кроваво-красные стволы. Кору сваливают в лесу, чтоб затем переправить на территорию Туниса.

Пока Лайссани занят повседневными делами, я совершаю небольшой обход лагеря. Молодые солдаты окидывают меня быстрыми, любопытными взглядами, но, как только я в свою очередь принимаюсь их разглядывать, на их лицах тотчас же появляется бесстрастное выражение. Вскоре, движимый желанием узнать, «что находится на той стороне», я взбираюсь на пригорок у леса, но меня догоняет один из солдат и на довольно приблизительном французском языке спрашивает, не нужна ли мне помощь. Он как будто разочарован, когда я объясняю ему, что по крайней мере сейчас могу справиться один, но все же следует за мной на некотором расстоянии. За пригорком лишь лужайка и крестьянская хижина. Подхожу ближе. Едва завидев меня, женщины опускают покрывала на лица. Этот жест сдержанности вызван отнюдь не ненавистью или же недоброжелательством, он просто свидетельствует о застенчивости. Старый крестьянин, на голове у которого ши-шиа (шапка из красного фетра), одетый в табачного цвета рубаху, доходящую ему до пят, выходит на порог хижины и приветствует меня, приложив руку к сердцу. Кажется, что он, заметив меня из хижины, уже ждал моего прихода. Жестом он указывает мне на камень и приглашает сесть. Я знаю, что отказаться было бы невежливо, и киваю головой в знак согласия. Затем он снова жестом спрашивает, хочу ли я пить, и вскоре наливает мне чашечку кипящего и по

алжирскому обычаю сильно наперченного кофе. Дети, которые, сидя у порога хижины, играют комками земли, невыразимо прекрасны, но, увы, столь же грязны. На меня они смотрят испуганно. У одного из них, самого маленького, глаз почти целиком залеплен стаей мух, но никто не заботится о том, чтобы отогнать их. Не зная, как снова вызвать на лицах детей улыбку, как заставить их вернуться к прежней игре, я навел на них свой фотоаппарат и сделал снимок. При щелчке затвора дети захлопали глазами, выйдя ненадолго из состояния неподвижности. Но вскоре они снова уставились на меня своими испуганными глазами.

После длительной прогулки по лесу я возвращаюсь в гурби капитана Лайссани. Заметивший меня издали офицер кричит: «К столу, господин, к столу». Лайссани приказал вынести стол на открытый воздух; стол накрыт скатертью почти белой, лишь кое-где истрепанной. Меня ждет кус-кус и прекрасное блюдо зелени с капустой. Подношу ко рту первую ложку и едва не задыхаюсь от огромного количества перца, которым оно приправлено. Лайссани включает радио, чтобы прослушать последние известия, за которыми следует очень монотонное пение. Я спрашиваю, что мы слушаем — Радио-Каир, Радио-Алжир или Радио-Тунис? Ответ меня удивляет: оказывается, мы слушаем передачу римского радио на арабском языке. Лайссани играет роль примерного хозяина, должно быть подражая тому, что видел во французской армии. Нельзя сказать, чтобы это ему удалось, но его попытки выглядят трогательно.

Во второй половине дня я некоторое время спал, затем бродил по лагерю, приводил в порядок свои заметки. Вечером снова сижу за столом с Лайссани и его небольшим штабом. Здесь же за столом гость, которого мне представляют как одного из редакторов Информационного бюллетеня Восточной базы; он будет сопровождать меня в моей поездке к феллахам. Я спрашиваю, каково точное значение слова «феллах». Мне говорят, что это крестьянин-земледелец. Французы называют феллахами алжирцев, не принадлежащих к зажиточным классам.

С нами ужинают две медицинские сестры из второй роты. Через несколько часов, как только взойдет луна, они отправятся в штаб базы. Обе медсестры — уро-

женки Бона и состоят членами политической организации ФНО.

После ужина мы продолжаем беседовать сидя у огня. У меня создается впечатление, что Лайссани играет роль «политика», специально предназначенную для приезжающих сюда журналистов. В его словах есть нечто заученное и упрощенное. Это раздражает меня. Сердечно признаюсь, что он гораздо больше понравился мне в ту минуту, когда расхохотался, услышав переданное по каирскому радио сообщение о том, что партизаны подожгли имение Лакоста, французского министра-резидента в Алжире.

Когда показалась луна, медицинские сестры ушли. Теперь Лайссани стал расспрашивать меня о Европе и европейцах, об Италии, о моей газете, об итальянских политических партиях. Я пытаюсь кратко и по возможности точно ответить на все его вопросы. И тут я вижу, что Лайссани вытаскивает из кармана блокнот и записывает все, что я говорю. Теперь он предстает передо мной совсем в ином свете. Мне уже понятны те элементы заученного и упрощенного, которые проявились в его идеях «политика», вызвав мое раздражение при первом знакомстве с ним. Дело в том, что в этих горах Лайссани, конечно, лишен возможности часто соприкасаться с новыми вещами и мыслями. Но важно, что он считает их ценными, считает, что их полезно сохранять и передавать другим.

ДЖЕМА

Находясь при штабе первого батальона, я случайно присутствовал при гражданском судебном процессе. Капитан Лайссани созвал *джему* (народное собрание), на которое явились жители расположенных поблизости мехт (небольших поселков). Ранним утром все жители соседних мехт — мужчины и женщины — собрались посреди лужайки у штаба первого батальона. Большинство мужчин одеты в тяжелые галибии из домотканой шерсти, кое-кто пришел в старом военном обмундировании, кое-кто одет по-европейски. У преобладающего большинства женщин лицо закрыто чадрой. Крестьяне привели с собой своих детей, которые молча сидят на корточках рядом с родителями. Дети очень серьезны и даже несколько испуганны.

Пять делегатов джемы, соответственно ведающие гражданскими, судебными, религиозными делами, хозяйственными вопросами и делами гражданской полиции, имеют право давать советы в делах, относящихся к их компетенции. Теперь они сидят чуть поодаль на корневищах дуба. Мне говорят, что женщины также имеют право голоса на собраниях джемы, но пользуются им редко. И в самом деле, трудно сразу преодолеть укоренившиеся веками обычаи и предрассудки.

Лайссани, политический комиссар батальона Маццуз и другие офицеры подходят к делегатам джемы и быстро определяют с ними вопросы, подлежащие обсуждению на собрании. Затем Лайссани объявляет собрание открытым. Делегат, ведающий экономическими вопросами,— это маленький, высохший старик, который словно тонет в своей галибии,— докладывает о результатах работ по рубке пробкового дуба. Как я понял, срублено много стволов, и все они хорошего качества, но отмечается и гибель леса на склоне одного из холмов. Этот лес был подожжен французами. Теперь заготовленная пробковая кора должна быть перевезена в Тунис для продажи. Для этого все жители должны предоставить своих мулов в распоряжение делегата по экономическим вопросам. Один из крестьян встал и начал обвинять солдат первого батальона в том, что они слишком часто берут мулов для своих походов, лишая крестьян возможности использовать скот для хозяйственных нужд. Тогда в свою очередь встал Маццуз и разъяснил, что военные нужды, как и ранее, должны находиться на первом плане. Однако армия сделает все, что в ее силах, чтобы свести к минимуму ущерб, наносимый крестьянам.

Второй вопрос, который ставится на обсуждение делегатом по гражданским делам, касается размещения новых беженцев, недавно появившихся в расположении первого батальона. Речь идет о целой семье, бежавшей в контролируемую АНО зону, после того как их мехту сожгли, обвинив крестьян в оказании помощи партизанам; кроме этой семьи, нужно приютить еще двух женщин, мужа которых арестованы. Слово берет один из крестьян. Он предлагает временно разместить беженцев на ферме Фалко. У этой фермы своя история. Она

принадлежала французскому колонисту, по всей вероятности, родом из Корсики. В первые же дни восстания ферма была атакована возглавляемой Лайссани группой партизан, искавших оружие. Фалко оказал сопротивление и был убит. Люди Лайссани забрали имевшееся на ферме оружие, а затем ушли. Жена Фалко несколько месяцев оставалась на ферме одна, пытаясь сама вести хозяйство. Потом она уехала, возможно, в Алжир, а быть может, во Францию. Предложение разместить беженцев на ферме Фалко подверглось долгому обсуждению. Маццуз разъясняет, что ФНО приказал ни при каких обстоятельствах не наносить ущерба имуществу, покинутому колонистами. Кроме того, продолжает Маццуз, расположение фермы известно французскому командованию. Если с самолета обнаружат, что на ферме живут люди, ее почти наверняка подожгут. Предложение поселить беженцев на ферме Фалко отклоняется. Джема принимает решение построить для них гурби.

Третий вопрос вносит на обсуждение сам Лайссани. Двое алжирских гражданских лиц, перешедших в Тунис, были арестованы тунисской полицией за нелегальный переход границы, теперь они находятся в тюрьме М... Лайссани предупреждает джему, что впредь никто из гражданских лиц не должен отправляться на тунисскую территорию без специального разрешения, выдаваемого штабом АНО.

Затем делегаты по судебным, религиозным вопросам и по вопросам гражданской полиции кратко сообщают о делах, находящихся в их компетенции. Лайссани спрашивает, есть ли у кого-нибудь предложения или возражения. Никто не просит слова, и таким образом отчеты пяти делегатов считаются окончательно одобренными.

Затем переходят ко второй части повестки дня: сбору налогов, установлению налогов на новый год и распределению пособий, выделяемых Армией национального освобождения для беженцев. Делегат по экономическим вопросам и Маццуз в качестве политического комиссара батальона напоминают главе каждой семьи, какую часть урожая, сколько голов скота и какую сумму денег каждый из них обязался внести. Имена и сумма налога уже внесены в большой регистр. Сборщики АНО, совместно

с делегатом по экономическим вопросам, позаботятся затем о том, чтобы собрать налоги с каждого хозяйства. Труднее определить налоги на новый год. Главы семейств подолгу спорят с Маццузом, перечисляя скот, которым владеют, сообщая, какие культуры намерены вырастить на своей земле, какую часть урожая смогут продать, какую вынуждены будут оставить для себя. Под конец устанавливается максимальная сумма налога, которая сможет быть изменена в зависимости от хозяйственных результатов года, после консультации с делегатом по экономическим вопросам и с Маццузом.

Затем Лайссани переходит к распределению ежемесячного вспомоществования, предоставляемого АНО беженцам. Передо мной наглядное свидетельство потрясающей нищеты алжирских крестьян. Босые мужчины, одетые в лохмотья, — лишь у наиболее удачливых старое военное обмундирование или сотни раз латанная галибия — получают от Лайссани по тысяче франков ежемесячно на каждого члена семьи. Значит, семья из пяти человек получает 5 тысяч франков, на которые она благодаря чуду, удающемуся лишь при крайней нищете, кое-как живет в течение целого месяца.

Беженцы — одна из трагедий войны. В одном лишь департаменте Бон и в пограничном районе их 50 тысяч. Но еще 200 тысяч беженцев живут в сборных лагерях на территории Туниса. Все это гражданские лица, покинувшие свои разрушенные деревни, либо подозреваемые в оказании помощи АНО. В любом случае это люди, которые не могут вернуться в родные места. ФНО обратился к международному Красному Кресту и к Организации Объединенных Наций с просьбой об оказании им помощи.

После распределения беженцам денег Лайссани произносит соответствующую случаю краткую речь, призывая членов джемы по-прежнему оказывать Армии национального освобождения поддержку впредь до «обеспечения победы над французами и освобождения алжирской родины». Присутствующие отвечают возгласами: «Да здравствует АНО!», «Да здравствуют бойцы Армии освобождения!», «Да здравствует национальная война!»

Джема уже готова разойтись, когда делегат по судебным вопросам сообщает, что имеется еще граждан-

ское дело, подлежащее рассмотрению. Все снова садятся на корточки и ждут, а ответчик с истцами подходят к Лайссани, который теперь исполняет обязанности председателя суда. Речь, насколько я мог понять, идет о запутанном вопросе, связанном с разделом земли. Ответчик — «зажиточный» крестьянин: он в почти новой военной шинели, в кожаной обуви и у него головной убор без заплат. Здесь он считается зажиточным. В Европе он, весьма вероятно, находился бы на уровне бедняка. Это молодой, рослый и молчаливый человек; взгляд его упорно потуплен, он отказывается смотреть в глаза своим судьям; ответчик считает, что он должен владеть полем, которое по наследству досталось его брату. А брат, одетый немного бедней, утверждает, что ответчик во время ссоры избил его палкой. Свидетели дают показания против ответчика. Говорят, будто он отказывается оплачивать труд беженцев, работающих на его полях. Маццуз, выполняя роль следователя, терпеливо ведет допрос. Но ответчик дает лишь односложные ответы. Вдруг он поворачивается спиной к Лайссани и локтями пытается пробить себе дорогу среди окруживших его крестьян, намереваясь покинуть суд. Тут Маццуз теряет терпение. Он догоняет его, заставляет повернуться и дает ему пощечину. Крестьяне одобряют его поступок, энергично кивая головой. Затем Лайссани предостерегает ответчика. Он может свободно уйти, но должен обещать, что впредь станет вести себя иначе. Ответчик тихим голосом произносит свое обещание и затем уходит. Позднее Маццуз говорит: «Мне неприятно, что я вышел из себя и ударил его. Но ведь я не мог предъявить ему обвинение в оскорблении суда. У нас нет тюрем. Куда я мог бы его заключить?»

ВОЕННЫЕ

Кто такие солдаты Армии национального освобождения? За что они сражаются? Каковы их мысли, чувства, человеческие привязанности? Первый ответ на эти вопросы дал мне капитан Лайссани. Он рассказал, что солдат АНО берет обязательство сражаться не менее 10 лет. «У него нет прошлого, нет будущего, он живет лишь настоящим — то есть войной». Но это, конечно, слишком

упрощенный ответ, правильный лишь для определенной части АНО, для тех ее солдат крестьянского происхождения, которым теперь от 15 до 20 лет. Я разговаривал с некоторыми из них и убедился, что у них обо всем одинаковые представления. В армию они вступили, потому что сожжен их гурби либо убит кто-нибудь из родных. Они с восхищением юности относятся к Армии национального освобождения; кое-кто из них, возможно, вступил в ее ряды, чтоб обеспечить своей семье тысячу франков, которую АНО ежемесячно выплачивает солдатам. Они безоговорочно приемлют тяжелые условия партизанской жизни, которые, впрочем, не хуже условий их существования в алжирской деревне. Содержание этих солдат стоит весьма недорого. Передвигаются они почти исключительно пешим порядком, делая по 15, 20, 30 километров в сутки; для защиты от холода довольствуются одним одеялом; продовольствие и боеприпасы переносят на себе; довольны любым ночлегом; спят на земле, в крестьянских хижинах, а если нужно, в лесу под прикрытием деревьев. Кусок галеты, котелок кус-куса, небольшой кусок баранины — вот еда, которой им хватает на день. Эти солдаты разделяют общую программу ФНО, которую в наиболее простой форме разъяснил им офицер, уполномоченный вести политическую пропаганду. Их любовь к свободе является недавним завоеванием, вот почему она сильна, жива, настороженна и непримирима. Они знают лишь одно лицо Франции — лицо врага, стоящего перед ними, врага, который стреляет, который может ранить, убить. С прошлым они окончательно порвали и знают, что не могут ни сдаться в плен, ни вернуться в родные деревни — их ждет расстрел или в лучшем случае пожизненное заключение в концлагерь. Некоторые из них немного знают французский язык, но отказываются говорить на ином языке, кроме арабского.

В этой поездке меня сопровождает Салах, один из редакторов Информационного бюллетеня Восточной базы, выходящего под названием «Гора». Вот что он говорит мне по этому поводу: «Самые непримиримые — это молодежь, те, кому еще нет 18 лет. Что до меня, то я не испытываю больших симпатий к врагу, который нам противостоит, но я знаю и другое лицо Франции: Вольтера, Монтеня, знаю Декларацию прав человека, Ком-

муну — одним словом, я знаю и хорошую сторону врага. Если Франция согласится вести переговоры в скором времени, то она будет иметь дело с людьми моего поколения, с людьми от двадцати пяти до сорока лет, то есть с теми алжирцами, которые знают и лучшие стороны французской нации. Если же Франция будет долго ждать, нас перемелет война, может быть, нас убьют, может быть, вытеснят «непримиримые». Тогда Франции придется за мир заплатить более дорогой ценой».

Должен добавить, что Салах — один из самых умных людей, до сих пор встреченных мною здесь в горах. Вначале он скромно присоединился ко мне, чтоб вместе участвовать в поездке, и старался держаться в стороне. Но дни шли, и с каждым днем его роль становилась все важнее — теперь я часто должен буду приводить его слова. Это объясняется очень просто. Я здесь для того, чтобы познакомиться с фактами и проблемами, но факты и проблемы не возникают из ничего, они порождены людьми. А Салах — человек с известным весом; он представляет определенную категорию алжирских интеллигентов, чьи вкусы, культура и само формирование являются типично французскими. Он немногим старше 30 лет; учился в Алжирском университете, сразу после окончания второй мировой войны поселился во Франции. Это худой, почти невесомый человек, чуть ниже среднего роста, глаза у него сверкают, волосы коротко подстрижены и зачесаны на лоб.

Вначале Салах непрестанно меня удивлял, например, такими своими утверждениями: «Африканцы знают о Европе гораздо больше, чем европейцы об Африке». Салах был первым, кто при мне произнес в этих горах слово «социализм» и говорил со мной о будущем Алжира. Обычно солдаты АНО избегают разговоров о будущем. Идет жестокая, беспощадная, неумолимая война (свидетельством тому служит малое число пленных у обеих воюющих сторон). Говорить о будущем означает в известном смысле рассчитывать жить в этом будущем, позабыть о том, что на пуле врага, быть может, уже начертано твое имя. Но Салах, по крайней мере в беседах со мной, отказался от этой сдержанности. Однажды он спросил меня: «Будет ли Алжир первым арабским социалистическим государством?» Казалось, он задает вопрос, на самом же деле это было утверждение. «Может быть,

нереально,— добавил он вскоре,— говорить обо всем этом теперь. Но вы прежде всего не должны забывать, что алжирское восстание представляет собой в одно и то же время явление и социальное и национальное: оно направлено против иностранной оккупации и в то же время против традиционной нищеты наших городов и деревень. Кроме того, несомненно, что в этих горах теперь формируется нация, формируется общество без классов, создается единство между армией и народом, которое принесет свои плоды».

Салах — не единственный человек, говоривший со мной о социализме. В алжирской армии запрещена пропаганда в пользу традиционных националистических партий. Этот запрет вызван двумя соображениями: во-первых, тем, что алжирское восстание в известном смысле явилось вызовом по отношению к традиционным националистическим партиям, которых внутренняя борьба в их рядах осуждала на бездействие; во-вторых, потому, что бойцы АНО отвергают любую попытку внести в движение внутренний разлад. После окончания войны каждый сможет вновь обрести свободу действий — тогда проявятся противоречия и расхождения. Но фактом является то, что АНО, как и все партизанские армии, действует в тесном контакте с народом, знает его потребности и нужды, разделяет с ним его повседневную жизнь. Вот почему весьма вероятно, что это единство народа и армии по окончании войны найдет выражение по крайней мере в создании массовой партии с четко выраженными социалистическими чертами. Я не хочу, однако, сказать этим, что все те, кто в рядах АНО произносит слово «социализм», имеют ясное представление о его точном значении.

Я уже отметил, что Салах — человек с европейскими, точнее с французскими, вкусами и культурой. Он признается мне, что Париж — единственный город в мире, в котором, как он считает, «можно жить». По другую сторону (я бы сказал: по другую сторону баррикады, если бы не боялся быть понятым неправильно) находятся молодые солдаты, которые не желают говорить по-французски. На полпути от тех, кто враждебен к Франции, и к тем, кто по ней тоскует, находятся такие люди, как офицеры первого батальона Восточной базы — капитан Лайссани, лейтенант Маццуз, младшие лейтенанты Ахмар и Белькасем,

старший сержант Мохтар, младший лейтенант Нуар, то есть люди, узнавшие Францию и в большей или меньшей степени испытавшие на себе ее влияние.

Должен сказать, что все занимающие в АНО командные посты изучали военное дело на службе во французской армии. Лайссани был во французской армии старшим сержантом, сражался в Италии под Кассино, под Римом, у Сан-Джиминьяно, вернулся в Алжир в 1945 г., дезертировал из армии к началу восстания 1954 г., чтоб перейти к алжирским партизанам. Маццуз — весной 1945 г. одним из первых вошел в Бельфор в составе колонны под командованием Леклерка. Белькасем и Ахмар по четыре — пять лет провели в Индо-Китае. Старший сержант Мохтар — единственный, кто не служил во французской армии. Он работал во Франции, на заводах Пежо в Монбельяре, а затем в Париже, у Рено. Он обладает очень живой наблюдательностью и быстрой реакцией, полон сарказма, порой переходящего в ярость. Ему 27 лет. Внешне он ничем не отличается от молодых людей, прогуливающих вечерами в Париже по бульварам Пуассоньер или Монмартр, доходя до Страсбур-Сен-Дени. В Париже у него были друзья, которые, как и он, работали на заводах Рено; он вместе с ними веселился по вечерам до того дня, когда в Алжире вспыхнуло восстание. Тогда все, даже некоторые рабочие Рено, вспомнили, что он алжирец. И все же Мохтар считает, что это «не их вина». Он поясняет, что кое у кого из рабочих в Алжире сражался сын или племянник, что его мог убить «такой, как я». Но то, что Мохтар оказался изолированным и почувствовал подозрительное отношение к себе со стороны прежних друзей, быть может, и послужило главной причиной, приведшей его к контакту с подпольной организацией ФНО в Париже. Он принимал участие в первых манифестациях проживающих во Франции алжирцев, после чего его единомышленники сочли благоразумным переправить его в Алжир, в горы, где он вступил в одно из соединений АНО. Как он жил во Франции? Неплохо. Однако на заводе ему приходилось довольствоваться худшей работой. Что он думает о Франции? На этот вопрос Мохтар дает мне косвенный ответ: Алжир и после достижения независимости будет испытывать нужду в экономической помощи Франции и во француз-

ских техниках. Что думает он о французах? Это «славные люди»; если ему придется жить с кем-нибудь вместе, то он предпочитает, чтоб это были французы. «Французов,— говорит он,— мы в конце концов знаем, мы знаем, как с ними спорить, как с ними обращаться». Что он будет делать по окончании войны? Женится, ну, а что дальше... этого он еще не знает.

Младший лейтенант Нуар, как и Мохтар, жил в Париже до того, как в 1950 г. отправился в Индо-Китай. Он поселился в юго-восточном предместье Парижа и каждое утро приезжал в город с вокзала Сен-Лазар. Работал каменщиком на стройке. Он со всеми подробностями рассказал мне о своих связях с проститутками из Страсбур-Сен-Дени и о частых посещениях трактира в этом районе; при рассказе об этом он щурил глаза и улыбался, словно предаваясь чудесным воспоминаниям. В Индо-Китае ему в первую очередь запомнились дома терпимости в Сайгоне, и он готов рассказывать о них без конца. Эти его рассказы вполне объяснимы. Солдатам АНО категорически запрещено употребление спиртных напитков и посещение проституток. Первый из этих запретов имеет религиозно-санитарное значение, второй объясняется соображениями санитарии. Эти запреты вызваны общим характером войны, но соблюдать их нелегко. Я спрашиваю у Нуара, когда и почему он перешел в ряды АНО. Он отвечает, что вступил в Армию национального освобождения в 1955 г., последовав примеру своих товарищей по роте, которые по возвращении из Индо-Китая дезертировали в массовом порядке. Нуар вступил в АНО, так как полагал, что «достаточно поработал на Францию». Его решение было протестом против неравенства, существовавшего во французской армии между арабами и французами. Что он будет делать после окончания войны? «Останусь в армии»,— отвечал Нуар.

О Белькасе и Ахмаре я скажу позднее. Я вместе с ними буду в третьей роте, в зоне военных действий, и там смогу лучше с ними познакомиться. Думаю, что пора перейти к рассказу о двух людях, которые кажутся мне самыми интересными из встреченных здесь до сих пор. Это капитан Лайссани — командир батальона и лейтенант Маццуз — политический комиссар. Они ряд лет работают вместе, и все же это два совершенно различных

человека. Лайссани любит поговорить, у него открытый, общительный, веселый нрав. Маццуз замкнут, каждое свое слово тщательно взвешивает, у него тонкий, продуманный, язвительный юмор. Лайссани — человек среднего роста, худой и поджарый. У Маццуза рост высокий, телосложение плотное, движения тяжелые. Лайссани любит поговорить о себе, Маццуз предпочитает вызывать на разговор других. Лайссани — солдат, Маццуз — «политик». Лайссани — араб, соприкасавшийся с Европой, Маццуз — европеец с арабской кровью в жилах. Лайссани любит войну. Маццуз не без некоторой тоски вспоминает мануфактурную лавку, которую он открыл в Боне, вернувшись из Франции, а затем вынужден был покинуть. Между этими двумя столь отличными друг от друга, но преследующими общие цели людьми существуют отношения взаимопомощи и взаимного контроля. Беседуя с ними, я каждый раз убеждаюсь в этом.

Лайссани и Маццуз были членами партии Движение за торжество демократических свобод. Однако Маццуз, оказавшись после мобилизации на французской территории, стал членом СФИО¹. Их вступление в ряды АНО совпало с началом восстания. Оба они говорят о том, что раз Франция предоставила независимость Марокко и Тунису, то нет, следовательно, никаких причин, по которым она могла бы отказать в этом Алжиру. Алжир, добавляет Маццуз, «ничем не хуже Туниса и Марокко». Напротив, у этой страны «более значительные перспективы по сравнению с другими североафриканскими государствами». «Но именно в этом,— говорит он,— конечно, заключена причина, по которой Франция отказывает Алжиру в предоставлении независимости. Алжир,— заключает он,— мог бы стать одной из самых развитых арабских стран, если бы его богатства не эксплуатировались исключительно ради выгоды колонизаторов». Тут Лайссани не в силах сдержать вспышку гнева. «Чтоб вынудить Францию вести переговоры, достаточно двух самолетов, которые разбомбят европейский квартал Алжира, дав себя сбить над городом». Маццуз ловит его на слове. «Подобный жест,— говорит он,— навсегда дискредитиро-

---

¹ СФИО — Французская секция рабочего интернационала (официальное название Французской социалистической партии).— *Ред.*

вал бы АНО. Нужно еще потерпеть. Партизанская война может продолжаться еще десять лет. А Франция долго «держаться» не может. Рано или поздно она вынуждена будет вступить в переговоры».

Мы говорим о возможности посредничества со стороны Бургиба. Лайссани проявляет нетерпение. «Чего хочет Бургиба? Война — это наше дело, и мы с ним сами справимся». И тут его снова прерывает Маццуз. Посредничество Бургиба, говорит он, явится тем средством, при помощи которого можно будет заставить французское общественное мнение «примириться» с потерей Алжира. И все же Лайссани и Маццуз сходятся в одном: независимый Алжир будет нуждаться в сотрудничестве с Францией, в сотрудничестве «между равными». Вот почему они верят в возможность федерации между Францией и североафриканскими странами. Если Франция с этим не согласится, три государства Магриба (Алжир, Тунис и Марокко) должны будут объединиться друг с другом. Кто станет президентом этой североафриканской федерации — Бургиба или султан Марокко? Лайссани и Маццуз в полном единодушии отвечают: «А почему не Ферхат Аббас?»

Мы снова говорим о Франции. Каково их мнение об этих ста или более годах «французского присутствия» в Алжире? Мне отвечает Маццуз. «Франция,— говорит он,— сделала в Алжире много дурных дел и некоторые хорошие». «Итог» еще остается подвести. Но «вопрос о том дурном и хорошем, что сделано Францией в Алжире, принадлежит прошлому». ФНО не намеревается устраивать «процесс над прошлым», но требует независимости Алжира, «имея на то право».

Переходим к другим вопросам. Что думают Лайссани и Маццуз о США, о Советском Союзе, о Насере? Полагаю, что из их ответов можно заключить, что оба они не настроены ни проамерикански, ни просоветски, хотя Лайссани с позиций «специалиста» восхищается советской военной мощью, а Маццуз надеется, что США рано или поздно предоставят Францию своей собственной судьбе. Оба они, как мне кажется, убеждены в том, что свободный Алжир должен будет сам избрать тип государственной организации, не подражая иным образцам. Насер, говорят они мне, «является нашим другом», но режим независимого Алжира будет «совершенно отлич-

ным» от режима Насера. Алжир будет «социалистическим, современным, светским» государством. «А ислам?» — впервые задаю я подобный вопрос офицерам АНО. Кстати замечу, что здесь, в штабе первого батальона, по крайней мере половина солдат ежедневно совершает религиозный обряд. Итак, какова роль ислама в алжирском восстании? Какой будет его роль в будущем Алжире? По мнению Лайссани, «религия — вещь хорошая», но государство должно оставаться светским. Маццуз в свою очередь пожимает плечами и говорит: «Среди нас немало верующих, но мы люди двадцатого века. Только французская пропаганда пытается изобразить нас фанатиками исламизма».

Теперь я перехожу к последнему вопросу: «Есть ли коммунисты в рядах АНО?» Возможно, но каждый хранит свои идеи «в собственном сердце».

Что Лайссани и Маццуз намерены предпринять после окончания войны? Они отвечают, что не следует много думать о будущем, ведь это отвлекает от задач настоящего. В любом случае Лайссани рассчитывает остаться в армии, даже в «Национальной гвардии», в том чине, который ему будет присвоен, чтобы «защищать завоевания революции». Маццуз, весьма вероятно, будет в должности суб-префекта продолжать административную деятельность в той зоне, на которую распространяется власть первого батальона.

Я понимаю, что слишком долго говорил о Лайссани и Маццузе. Но ведь они представляют две категории людей, которым предназначено сыграть решающую роль в будущем Алжире.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Алжирское восстание в момент своего зарождения было жестом отчаянья: молодые лидеры Революционного комитета единства действий (РКЕД), утратив веру в возможность достижения независимости Алжира мирными средствами, решили создать Фронт национального освобождения (ФНО) и перейти к вооруженной борьбе. Но восстание в то же время было проявлением недоверия к традиционным националистическим партиям, которые, враждуя друг с другом, выступали от

имени угнетенного народа: Движению за торжество демократических свобод (ДТДС) и Демократическому союзу алжирского манифеста (ДСАМ). И, наконец, восстание было жестом мужества, ибо предстояло решить, сможет ли алжирский народ выдержать испытания войны. В ночь на 1 ноября 1954 г., когда пробили час алжирской революции, будущее было полно неизвестности.

Кое-кто утверждает, что лидеры ФНО, начиная вооруженное восстание, рассчитывали принудить Францию немедленно начать переговоры о предоставлении Алжиру независимости, подобно Марокко и Тунису, но в более широких рамках федерации Франция — Магриб. Не знаю, в какой степени это утверждение соответствует истине. Во всяком случае нельзя отрицать, что ФНО выдержал испытания трех лет войны. По всеобщему признанию, после трех лет войны ФНО добился важных результатов в военной, административной и политической областях. Прежде чем перейти к рассмотрению этих результатов, думаю будет уместно хотя бы кратко остановиться на военно-политической программе алжирской революции, которая в окончательном виде была сформулирована на состоявшемся 20 августа 1956 г. съезде в долине Суммам, расположенной на территории Алжира.

Военно-политическая программа (платформа) «обеспечения торжества революции в борьбе за национальное освобождение» состоит из трех разделов:

- 1) политическая обстановка;
- 2) общие перспективы;
- 3) средства действия и пропаганды.

Изучение этой программы позволяет ответить на следующие вопросы: какова позиция ФНО по отношению к прошлому? Каковы перспективы политики ФНО? Что обещает эта политика алжирцам? Что она предлагает французам?

Политико-военная программа алжирской революции прежде всего констатирует успехи, одержанные АНО в военной области. В программе сказано:

«За сравнительно короткий срок Армия национального освобождения с успехом выдержала испытание огнем и вышла победительницей из кампании по окружению и уничтожению, которую вела против нее такая

мощная и современная армия, как французская, находящаяся на службе колониалистского режима одного из самых крупных государств мира. АНО проводила партизанские действия, осуществляла саботаж, вела подлинную войну, распространяя свою боевую деятельность на всю национальную территорию. Она постоянно укрепляла свои позиции, улучшала собственную тактику, совершенствовала свою технику, увеличивала свою боеспособность. АНО сумела гармонически сочетать испытанные методы антиколониалистских войн, разумно приспособляя их к особым условиям страны. Она предоставила достаточные доказательства того, что ее военная организация унифицирована и что она овладела наукой стратегии в войне, охватившей весь Алжир. АНО объединяет добровольцев, полных решимости самоотверженно сражаться вплоть до освобождения своей родины. Ряды АНО усилены кадровыми офицерами, унтер-офицерами и мобилизованными солдатами, которые с оружием и снаряжением большими массами покидают ряды французской армии. Впервые за свою военную историю Франция не может более рассчитывать на лояльность алжирских частей и вынуждена перебрасывать их на территорию метрополии или в Германию. Роты гумье¹, набранные из городских безработных, которым зачастую внушают неправильное представление о характере предстоящей им «работы», переходят к партизанам либо же разоружаются и распускаются самими французскими властями. Людские ресурсы АНО, напротив, неисчерпаемы. АНО иногда даже вынуждена отказывать в зачислении на военную службу молодым или средних лет алжирцам из городов и деревень, которым не терпится заслужить честь быть солдатами своей армии. АНО пользуется всеобщей любовью, восторженной солидарностью, моральной и материальной поддержкой всего алжирского народа... В этом основные причины «алжирского чуда»... В этом причины того, что французские генералы вынуждены признать невозможность решения алжирской проблемы военным путем».

---

¹ Части, которые французское командование пытается создать в Алжире из местного населения.— *Ред.*

Далее программа констатирует, что «действия АНО полностью изменили политический климат в Алжире».

«АНО произвела психологический шок, вывела народ из состояния оцепенения, освободила его от страха, от скептицизма. Армия позволила алжирскому народу осознать свое национальное достоинство. Она определила политическое единение всех алжирцев, добилась того национального единства, которое облегчает народную борьбу и делает несомненной победу сил свободы. Фронт национального освобождения, несмотря на подпольный характер своей деятельности, стал сегодня единственным подлинно представительным органом алжирского народа. Его влияние на всей территории Алжира неоспоримо. В самом деле, в предельно короткий срок Фронт национального освобождения сумел заменить собой все политические партии, существовавшие десятилетиями. И это обстоятельство не случайно, а вызвано следующими необходимыми условиями:

1) осуждением культа личности и введением принципа коллективного руководства, осуществляемого честными, не поддающимися коррупции и мужественными людьми, не боящимися ни ущерба для себя, ни тюрьмы и смерти; 2) ясностью доктрины. Цель, к которой мы стремимся,— это национальная независимость, осуществляемая путем революции и уничтожения колониалистского режима; 3) единением народа, осуществляемым в борьбе против общего врага и без элементов сектантства; 4) признанием того факта, что освобождение Алжира должно быть делом всех алжирцев, а не только одной части народа, как бы она ни была велика.

Это не означает, что уже преодолены все трудности. Наша политическая акция вначале затруднялась следующими обстоятельствами: численной нехваткой руководящих кадров, недостатком материальных и денежных средств; необходимостью длительной разъяснительной политической работы для преодоления серьезного кризиса роста; необходимостью подчинять все нуждам вооруженной борьбы. Но эти причины слабости уже частично преодолены... Успехи ФНО сделали возможным зарождение и развитие двоевластия. Уже вступила в действие революционная администрация с ее подпольными органами. В ее задачу входят снабжение, сбор налогов, осуществление правосудия, набор войск, служ-

ба безопасности и разведка... Политическое содержание ФНО стало ясным после массового присоединения к нему крестьян, для которых национальная независимость означает в то же время осуществление аграрной реформы, обеспечивающей им собственность на землю, обрабатываемую их трудом... Вооруженное восстание, следовательно, вскоре превратилось в органическую революцию, распространившуюся на всю страну. Наличие в наших рядах политически зрелых и опытных городских элементов позволило осуществить поднятие политического уровня в тех районах, которые наиболее отставали в этом отношении. Вклад студенчества оказался весьма полезен, особенно в политическом, административном и санитарном секторах...»

Далее программа, предвосхищая перспективы, открывающиеся перед будущим алжирским государством, с особой отчетливостью заявляет:

«Наша борьба является национальной борьбой, направленной на уничтожение анархического режима колонизации, а не религиозной войной. Она представляет собой не возврат к феодализму, а шаг вперед в том движении, которое история предназначила свершить человечеству. И, наконец, она есть борьба за возрождение алжирского государства в форме демократической и социальной республики, а не борьба за реставрацию монархии или подновление теократии».

Полемика, направленная против старых политических формаций, носит весьма оживленный характер. Программа констатирует, что подавляющее большинство членов старых политических партий примкнуло теперь к ФНО. Партия Демократический союз алжирского манифеста была распущена, а Ассоциация улемов «мужественно приблизилась» к позициям ФНО. Партия Движение за торжество демократических свобод полностью исчезла как «группировка бывших руководителей и как политическая тенденция». Особенно сильным нападкам подвергается Мессали Хаджи, бывший лидер Алжирской народной партии (АНП), а позднее основатель ДТДС. В программе по поводу возглавляемой им группы сказано: «Мессализм как политическое течение утратил свое значение. Он постепенно стал выражением настроений, угасающих изо дня в день... Психология Мессали Хаджи весьма близка к нелепым убеждениям петуха из

небезызвестной сказки, который, не довольствуясь тем, что оповещал о восходе солнца, утверждал, что день наступает именно благодаря его пенью... Восхваление мессализма на страницах французской печати является серьезным свидетельством попыток расколоть алжирское национально-освободительное движение, используя Мессали Хаджи против ФНО и алжирского народа. То обстоятельство, что жизнь Мессали Хаджи столь дорога французскому правительству, заставляет нас не удивляться более, когда мы видим, как он соскальзывает к сознательному предательству... Алжирское национальное движение (АНД) — это любимое детище Мессали Хаджи, несмотря на свою яростную демагогию, не сумело преодолеть смертельный кризис партии Движение за торжество демократических свобод.

Что касается Алжирской коммунистической партии, то программа утверждает, что она не играет руководящей роли в великом процессе национального возрождения.

После большого полемического раздела, в котором рассматривается «империалистическая стратегия французов» и «алжирская политика французских правительств», программа анализирует политические перспективы, открывающиеся перед алжирской революцией. ФНО сражается «за национальную независимость, без которой нельзя покончить с колониальным режимом, угнетающим Алжир». Непосредственными целями войны являются:

- 1) создание суверенного алжирского государства, со своей армией и своей дипломатией;
- 2) избрание путем всеобщих выборов Национальной учредительной ассамблеи;
- 3) осуществление аграрной реформы;
- 4) осуществление североафриканского единства в естественных арабо-мусульманских рамках.

Далее в программе сказано:

«Для достижения этих целей Фронт национального освобождения должен будет довести до конца осуществление двух основных задач: внутренней задачи, осуществляемой как в политическом, так и в военном плане, и внешней задачи, которая состоит в том, чтобы превратить алжирскую проблему в реальность для всего мира и добиться поддержки со стороны всех наших естественных союзников. Эти задачи требуют для своего осуществ-

вления длительного труда, приложения максимальной энергии и использования всех национальных ресурсов. И, наконец, чтоб избежать любой ложной интерпретации и доказать наше подлинное стремление к миру, к ограничению потерь в человеческих жизнях и к окончанию кровопролития, мы выдвигаем почетную платформу для обсуждения с французскими властями».

Политические условия «прекращения огня» уточняются следующим образом:

- 1) признание единой и неделимой алжирской нации;
- 2) признание независимости Алжира и полноты его суверенитета;
- 3) освобождение всех алжирцев, заключенных, интернированных или сосланных за их патриотическую деятельность до и после 1 ноября 1954 г.
- 4) признание ФНО в качестве единственной представительной организации алжирского народа.

Мирные переговоры с Францией будут вестись на основе независимости (включая дипломатию и национальную оборону). Подвергнутся обсуждению следующие вопросы:

1. Границы алжирской территории (нынешние границы, включая алжирскую часть Сахары).

2. Французское меньшинство (будет предусмотрена возможность принятия алжирского или иностранного гражданства); в программе отмечено, что в намерения ФНО вовсе не входит «выбрасывание в море» европейского меньшинства. ФНО стремится лишь к уничтожению колониалистского ига. Европейское меньшинство в независимом Алжире будет пользоваться «всеми правами и полнотой защиты».

3. Французское имущество (имущество французского государства и французских граждан).

4. Порядок передачи власти.

5. Формы помощи и сотрудничества Франции в экономической, финансовой и культурной областях и т. д.

Программа рассматривает также средства действия и пропаганды для осуществления поставленных задач. Такими средствами являются:

Укрепление организаций ФНО по всей стране — в каждом городе, в каждой деревне, на каждой шахте, в каждом квартале, на каждой фабрике, ферме, в каждом университете, колледже и т. д.

Максимальное повышение политического уровня сражающихся частей.

Формирование опытных в политическом отношении кадров.

Быстрый и ясный отпор любой клевете и провокации.

Организация крестьянского движения, рабочего движения, движения молодежи, интеллигенции, людей свободных профессий, коммерсантов, кустарей, женщин.

Мобилизация всей национальной энергии и стремление к союзу со всеми национальными меньшинствами, проживающими на территории Алжира.

Организация алжирцев, проживающих во Франции.

Обеспечение солидарности североафриканских и арабских стран.

Меры по привлечению внимания Организации Объединенных Наций к борьбе алжирского народа.

Получение поддержки со стороны всех европейских государств и народов, включая северные страны, страны народной демократии, а также поддержки со стороны стран Латинской Америки.

Создание постоянного представительства при Организации Объединенных Наций.

Создание аналогичных представительств во всех странах мира.

В ОГНЕ ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЫ ЗАРОЖДАЕТСЯ АЛЖИРСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Полагаю, что наиболее значительным успехом, достигнутым ФНО в ходе трехлетней вооруженной борьбы, является укрепление единства алжирского народа. До начала восстания интересы угнетенного народа представляли три соперничавшие между собой партии — Движение за торжество демократических свобод (ДТДС), Демократический союз алжирского манифеста (ДСАМ) и Алжирская коммунистическая партия (АКП). Отсутствие единства действий между этими тремя партиями, очевидно, было на руку Франции. После трех лет войны партия ДСАМ была распущена, а ее виднейший лидер Ферхат Аббас перешел в ряды ФНО. Алжирская коммунистическая партия дала указание членам своих боевых частей вступить в АНО.

Преобладающее большинство членов и руководителей ДТДС перешло в ряды ФНО. Лишь старый ее лидер Мессали Хаджи отказался присоединиться к ФНО и создал Алжирское национальное движение — АНД. Влияние АНД на алжирской территории весьма незначительно: АНД контролирует 3 тысячи партизан под командованием «генерала» Беллуниса, занимающих небольшой сектор в одной из областей Алжира. Мессали Хаджи сохраняет известное влияние лишь во Франции, среди алжирских эмигрантов. Но и на территории французской метрополии ФНО теперь уже стал наиболее представительной организацией алжирского национально-освободительного движения. Причины, по которым Мессали Хаджи отказался присоединиться к ФНО, носят различный характер. Создается, однако, впечатление, что это в первую очередь обусловлено его личными качествами, нежеланием занять в ФНО второстепенное положение и подчинить личные амбиции непосредственным нуждам национальной революции. ФНО обвиняет Мессали Хаджи, Беллуниса и АНД в сползании на двусмысленные позиции, содействии попыткам Франции создать противостоящее ФНО алжирское движение, в маневрировании, направленном против алжирской революции. Отсюда один шаг до предъявления им обвинения в предательстве.

Вторым важным успехом ФНО является, по моему мнению, постепенное, но все более осязаемое зарождение алжирского государства в огне партизанской войны. Это процесс широкого размаха, который медленно, но неуклонно охватывает весь Алжир. Он осуществляется не без ошибок, не без сомнений и затруднений. И тем не менее это толчок вперед, несущий в себе заряд неисчерпаемой жизненной силы. Не скажу, что за три года войны организация ФНО — АНО достигла тех результатов, которых добился Вьет-мин¹ в Индо-Китае (с ними я смог познакомиться в ходе войны). За эти годы Вьет-мин на 70 процентов осуществил земельную реформу в областях, находившихся под его контролем, добился увеличения грамотности до 60—70 процентов и ввел в дей-

---

¹ Вьет-мин — созданный в 1941 г. по инициативе Коммунистической партии Индо-Китая широкий Демократический фронт борьбы за независимость Вьетнама. — *Ред.*

ствие исключительно эффективную политико-военную и административную организацию. И все же в Алжире, при сохранении французской администрации, начинает возникать инфраструктура: алжирское государство, управляемое самими алжирцами. В некоторых зонах, особенно в деревне, более не существует демаркационной черты между двумя враждующими силами, нет более разделения на дружественную и враждебную зоны — французские войска «скользят над страной, не проникая в нее».

Программный манифест ФНО содержит обещание осуществить аграрную реформу, но она до сих пор не была осуществлена как по техническим, так и по политическим причинам. В некоторых находящихся под контролем АНО зонах были проведены эксперименты по реформе аграрных отношений, но они в большинстве случаев окончились неудачей, главным образом из-за недостаточной эффективности орудий труда, находящихся в пользовании алжирских крестьян. Кроме того, ФНО до урегулирования будущих отношений с Францией намерен повременить с окончательным определением своей экономической политики по отношению к французским колонистам и к крупным французским земельным собственникам. В результате этого по сегодняшний день крупное землевладение осталось не затронутым даже там, где французские колонисты покинули свои фермы. Однако, если бы война должна была продолжиться и ФНО утратил бы надежду на будущее сотрудничество с Францией, весьма вероятно, что он был бы вынужден пересмотреть свою аграрную политику, с тем чтобы предложить нечто конкретное крестьянству, среди которого АНО, как и все партизанские армии, чувствует себя как рыба в воде.

Борьба против неграмотности едва началась, и в настоящее время эта работа осуществляется мусульманскими священниками в деревнях. В некоторых районах АНО открыла школы, где идет подготовка молодых граждан независимого Алжира, или, смотря по обстоятельствам, молодых бойцов завтрашнего дня.

Важные результаты были, однако, достигнуты ФНО в непосредственно административном плане, в области политической подготовки народа и в усовершенствовании военной организации. Кратко подытожим эти результаты.

Законодательным органом алжирского национально-освободительного движения — если можно назвать его так — является Национальный совет алжирской революции (НСАР), состоящий из 34 членов (17 основных членов и 17 членов-заместителей). Этот орган возлагает исполнительные функции на Исполнительный комитет координации (ИКК), состоящий из 9 действительных и 5 почетных членов (это 5 лидеров ФНО, арестованных французами на борту марокканского самолета и теперь находящихся в парижской тюрьме). Штаб ИКК расположен «где-то в Алжире».

АНО является прямым продолжением ФНО. Каждый командир воинской части АНО в то же время является прямым представителем и политической и гражданской власти, а следовательно, и представителем центральных органов ФНО на той территории, где действует его часть. ФНО — АНО создали на алжирской территории пять административных областей, называемых вилайетами. К пяти вилайетам следует добавить Восточную базу и область Сахары, где действует батальон «Юг». Территория страны делится на следующие вилайеты:

- I вилайет — область Аурес-Неметша;
- II вилайет — область Константины;
- III вилайет — область Кабилии;
- IV вилайет — область города Алжира;
- V вилайет — область Орана.

Восточная база занимает департамент Бон. Батальон «Юг» контролирует область Сахары. Создание сахарского фронта рассматривается лидерами ФНО как политико-стратегическая операция важнейшего значения, поскольку здесь французам наносится удар в районе нефтяных месторождений.

Вилайет возглавляет полковник (это высшее офицерское военное звание в АНО). Вилайеты в свою очередь разделены на зоны, находящиеся под контролем капитанов — командиров батальонов; зоны — на районы, контролируемые лейтенантами — командирами рот, и районы — на секторы, контролируемые младшими лейтенантами — командирами взводов. В каждом вилайете расположено известное число батальонов. Батальон состоит из трех рот, рота — из трех взводов. Департамент Бон, то есть Восточная база, или Восточный вилайет, насчитывает четыре батальона и, следовательно, разделен на 4 зоны,

12 районов, 36 секторов. У каждого командира базы, или вилайета, а также у командиров батальонов, рот и взводов есть по три помощника. Эти офицеры (или унтер-офицеры) соответственно руководят военными и политическими делами, разведкой и связью.

Генеральских званий в АНО нет, и их не предполагается вводить до освобождения страны. Все звания присваиваются временно. После освобождения страны специальная военная комиссия рассмотрит дела всех офицеров и установит соответствие между присвоенными теперь званиями и офицерскими чинами будущей национальной армии. Высшим военно-политическим органом является ИКК. Большая часть членов НСАР и ИКК в то же время являются начальниками или помощниками начальников вилайета. Назначение офицеров осуществляется ИКК по предложению начальников вилайетов. Назначение унтер-офицеров осуществляется начальниками вилайетов. Назначение сержантского состава производится начальниками зон. В каждом вилайете, в каждой зоне, в каждом районе и секторе осуществляется принцип коллективного руководства политическими, административными и военными делами.

Каждый солдат, помимо индивидуальной экипировки, получает жалованье в размере 1000 франков в месяц. Капрал получает 1200 франков, сержант — 1500, старший сержант — 1800, адъютант — 2000, младший лейтенант — 2500—3000, капитан — 4000, майор — 4500, полковник — 5000. Санитарки и санитары по оплате приравнены к сержантам, младшие врачи — к младшим лейтенантам, врачи — к лейтенантам. Жены бойцов АНО, проживающие в деревнях, получают 2000 франков в месяц, проживающие в городах получают 5000 франков в месяц. Кроме того, они получают по 2000 франков на каждого ребенка, находящегося у них на иждивении. Кадровые солдаты АНО называются «муджахидинес», члены городских подпольных организаций называются «муссебилинес», эти последние при продолжительном несении службы в материальном отношении приравниваются к солдатам АНО. Заключение и семьи павших получают помощь на равных правах с муджахидинес.

К началу восстания в каждом взводе состояло по 35 человек, в каждой роте — по 110 человек и в каждом

батальоне — по 350 человек. Однако ввиду исключительного роста АНО с 1954 г. эти цифры следует считать далеко превзойденными. Ныне в рядах АНО находится 100 тысяч человек. Кроме этого, у армии по крайней мере еще 300 тысяч помощников, если учесть подпольные группы в городах, а также гражданских лиц, занятых снабжением, разведкой и транспортом. У подпольных групп в городах полуавтономная организация, но и они тем не менее подчиняются начальнику вилайета. Любая проводимая в городе операция должна быть предварительно разрешена начальником вилайета и согласована с представителем АНО, командующим зоной, районом или сектором, в котором находится город или населенный пункт, избранный для проведения операции.

Наиболее значительным достижением ФНО — АНО на алжирской территории является полное слияние гражданских, политических и военных властей. Командир части АНО пользуется всей полнотой власти в вилайете, зоне, районе или секторе. Все командиры секторов подчинены командирам районов, которые подчиняются командирам зон, а командиры зон в свою очередь подчиняются командирам вилайетов. Командир вилайета несет ответственность перед ИКК. Части АНО не являются «партийными» формированиями. Внутри АНО запрещена пропаганда в пользу той или иной политической партии, в АНО все должны придерживаться общих лозунгов антифранцузской борьбы и основной программы ФНО. Сам ФНО не является партией в строгом смысле слова, а стал общим фронтом борьбы. Бывшие члены традиционных националистических партий присоединяются к ФНО и вступают в ряды АНО в индивидуальном порядке, без явной ссылки на указания партий, к которым они принадлежат.

Как уже отмечено, каждый командир АНО является в то же время представителем центральных органов АНО. По гражданским вопросам он советуется с народной ассамблеей — джемой, которая высказывает свое мнение лишь в совещательном порядке. В подведомственном им районе офицеры АНО набирают людей на военную службу, руководят военными операциями, поддерживают связь с подпольными группами в городах, контролируют гражданскую и военную жандармерию,

руководят политической пропагандой, председательствуют в гражданских и военных судах, руководят административными делами, устанавливают и взыскивают налоги. На практике, однако, командир части АНО передает непосредственное административное руководство гражданскими делами своему помощнику по политической части, то есть политическому комиссару.

Политический комиссар частей АНО обладает иными функциями и подбирается по иному признаку, чем, например, политические комиссары итальянских партизанских бригад, действовавших в период освободительной войны; короче говоря, он не является непосредственным представителем политической власти или той или иной политической партии при сражающейся части. Это просто офицер, проявивший особую склонность к деятельности в области гражданской администрации. В большинстве случаев он подбирается из числа офицеров той же части, в которой осуществляет свои функции, и приходит к должности политического комиссара после обычного прохождения военной службы. Наконец, он постоянно подчинен власти командира части АНО. Однако мне кажется, что в действительности (причем это явление дает себя знать и в рамках самых небольших подразделений) политические комиссары все более отличаются от военных, приобретают собственное лицо и только им присущие черты.

Недавно ИКК счел необходимым определить задачи политических комиссаров. Они должны заниматься организацией и воспитанием народа, пропагандой и информацией, вопросами психологической войны (связь с населением, с европейским меньшинством, с военнопленными), а также вопросами финансирования и снабжения. Следовательно, политические комиссары действуют в тесном контакте с населением, и, очевидно, что они в силу своих функций являются наиболее политически подготовленными людьми в рядах АНО. Повторяю, что так обстоит дело и в самых малых подразделениях. Наконец, следует отметить как общепринятое мнение, что после окончания войны политические комиссары займут соответствующие должности в государственной администрации. Все это заставляет предполагать, что, несмотря на единоначалие, происходит дифференциация между военными и фактическими представите-

лями гражданской власти. Зарождаются две категории — «военные» и «гражданские чиновники» (в ряде случаев «политики»), — и обе эти категории, несомненно, сыграют важную роль в будущем Алжире. В настоящее время невозможно предвидеть, какая из них выдвинется за счет другой и будет ли неизбежен конфликт между ними.

Вся энергия алжирского народа мобилизована на ведение войны. Каждый алжирец независимо от того, проживает ли он в Алжире или во Франции, должен выплачивать ФНО налог в размере 100 франков в месяц с каждого члена семьи либо вносить седьмую часть урожая. Разумеется, сумма налога может быть увеличена или уменьшена в зависимости от финансового положения семьи. Но этот налог не является единственным источником средств, необходимых ФНО для ведения войны. Определенные суммы поступают от продажи за границу продуктов, производимых в районах, находящихся под контролем АНО, либо выплачиваются французскими колонистами, которые боятся разрушения своих ферм; некоторую помощь оказывают афроазиатские страны. Мне неизвестно, существуют ли иные источники финансирования ФНО.

МАРШ НА СБЛИЖЕНИЕ С ПРОТИВНИКОМ

После нескольких дней пребывания в штабе первого батальона капитан Лайссани сообщил мне, что все готово для моего перехода в третью роту, которая расположена в зоне боевых действий. Меня будут сопровождать лейтенант Маццуз, младшие лейтенанты Белькасем, командир третьей роты, и Ахмар.

Белькасем и Ахмар — два человека, взаимно дополняющих друг друга. В Индо-Китае они сражались в одной части и оба были ранены, попав в засаду на дороге, ведущей из Ханоя в Нинь-Бинь. Думаю, что они еще не сумели позабыть об этих ранах. По отношению ко мне оба проявляют исключительную заботливость, однако я чувствую, как их отношение ко мне становится немного холодней, когда я сообщаю, что тоже был в Индо-Китае, но «на другой стороне», на стороне вьетнамцев.

Я вынужден добавить, что находился там с задачами исключительно журналистского характера.

Раны, полученные на дороге из Ханоя в Нинь-Бинь,— отнюдь не единственные воспоминания, вынесенные Белькасем и Ахмаром из Индо-Китая. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что пять лет войны среди рисовых полей Тонкина придали их лицам ни с чем не смешиваемые азиатские черты: брови у них слегка выгибаются к вискам, а кожа приняла окраску, слегка напоминающую охра. Но, помимо этого, они вывезли из Индо-Китая превосходное знание тактики партизанской войны. По пути в штаб третьей роты у меня создается впечатление, что они изучили каждую пядь дороги, проходящей по лесу, и теперь почти инстинктивно выбирают наиболее удобный маршрут, ступают на самые надежные камни, отыскивают самый неглубокий брод. После двухчасового марша мы останавливаемся на привал в крестьянской мехте. Несомненным признаком поддержки и симпатии, которыми АНО пользуется у алжирского населения, может служить то, что, в какую бы мехту, в какой дуар мы ни пришли, навстречу нам выходят дети; широко раскрыв большие темные глаза, они с полной доверия улыбкой протягивают руки для пожатия и шагают рядом с нами, соблюдая свое детское достоинство. Из хижины, стоящей чуть поодаль от других, словно часовой на опушке леса, выходит мужчина с мешком в руках. При помощи жестов, полных приветливости, он извлекает из мешка несколько кружек и большой сверкающий своей чистотой котел, в который тут же наливает воду и кладет чайные листья, а затем ставит его на большой огонь. Белькасем сообщает мне, что нам осталось еще 5—6 часов пути. Он говорит, что лучше взять лошадей и добавляет: «Зайдем сюда, подождем, пока их приведут».

В гурби, растянувшись на постели из соломы, спят двое детей. Старый крестьянин вынимает изо рта длинную трубку, чтобы спросить у нас: «Лабес?» (Как вы поживаете?). Молодая мать забирается в угол хижины, прикрывая лицо куском ткани. Мы садимся на грубо обтесанные колоды, заменяющие стулья. Затем нам приносят чай, дымящийся в чашках.

Снаружи доносится ржанье,— значит, лошади уже прибыли. Они грязны и тощи, гривы подстрижены ко-

ротко (верный признак того, что сюда они попали из какой-либо французской части). Лошадь, на которую я взобрался, кажется, вовсе не в восторге от предстоящей ей задачи. Тем хуже для меня, потому что мы взбираемся по очень крутой тропе; лошади приходится самой выбирать более легкий путь среди камней и кустарников.

Потом пейзаж становится мягче, хребты холмов принимают волнистую линию, в лесу все чаще встречаются зеленые лужайки, посреди которых трудятся укутанные в галибии крестьяне. Увидя нас, они в знак почтительного приветствия подносят руку вначале к голове, а затем к сердцу. К полудню мы добираемся до Сиди-Трад, небольшого скопления дотла разрушенных во время воздушного налета хижин. Здесь поблизости — естественный источник горячей воды, распространяющий вокруг запах серы. Чуть поодаль была таверна, в которой хозяйничал француз. Теперь от здания остались лишь почерневшие стены, а там, где прежде была дверь, на ветру лениво раскачиваются несколько уцелевших досок. На одной из стен еще можно прочесть крупную, выведенную большими красными буквами надпись: «Сиди-Трад — горячий источник». Глухая минометная стрельба, которая вчера еле доносилась до нас, словно далекое эхо, здесь слышна отчетливей. Временами она чередуется с пулеметными очередями. Мы садимся на землю, укрывшись за большим камнем. Солдаты нашего охранения, шедшие впереди нас на расстоянии получаса ходьбы, чтобы предупредить о возможных неожиданностях, растянули посреди мягкого травяного ковра полотняную скатерть с ярким набивным рисунком. Уже готов салат из овощей, котелок кус-куса и блюдо еще теплых галет. Во время лесного марша солдаты собрали для нас небольшие красные плоды с очень сочной мякотью. Я не знаю, как называются эти плоды, но Белькасем говорит мне, что порой несколько галет и пригоршня таких плодов составляют дневной рацион солдата АНО. Из протекающего вблизи потока мы черпаем воду, так перемешанную с землей, что лишь жажда, мучающая нас после многочасового марша под знойными лучами солнца, заставляет ее пить.

Из растительности здесь преобладают кусты, настолько высокие, что среди них можно шагать незамеченным, но одежда при этом оборвется о колючки, а

лицо и руки будут исцарапаны. Однако солдаты охранения, которые выступают на полчаса раньше нас, как будто не замечают всего этого. Что касается нас — я имею в виду Маццуза, Белькасема, Ахмара и себя, — то лошади позаботятся о целостности нашей кожи и одежды. С одной из высот видна обширная и полная голубого покоя поверхность озера. Ахмар объясняет: «Это озеро начинается у Ла-Калле». Теперь мы взбираемся по тропе, которая становится все круче и уводит нас в самую гущу леса; никто из нас не испытывает особого желания разговаривать. Временами попадаются небольшие ямки и следы, оставленные дикими кабанами, которых здесь великое множество. Солдаты АНО по религиозным мотивам не едят их мяса, а живущие в Алжире европейцы после начала военных действий перестали охотиться в этих горах. Вот уж три года, как кабаны могут здесь спокойно размножаться. Весьма вероятно, что после войны эти места будут манить к себе европейских охотников.

Мы дошли до небольшой долины, которую пересекает поток. У воды растут деревья, а за ними видны гурби. Не вейся тонкая нить дыма над крышей одной из хижин, эта местность казалась бы покинутой. «Рота, — говорит мне Белькасем, — ушла вперед, выполняя задачу по прикрытию. Солдаты вернутся позже, к вечеру, когда французы укроются в своих фортах».

Оставляем лошадей и входим в предназначенное для нас гурби. Здесь я встречаюсь с Салахом, который прибыл сюда раньше нас.

Поселок из хижин, в одной из которых мы расположились, был построен пятнадцать дней тому назад, то есть в предельно краткий срок. Командование роты никогда не остается долго на одном месте, оно постоянно вынуждено менять расположение. И вот в лесах вокруг Ла-Калле, Тарфа, Лакруа и до самого Бона возникают десятки таких хижин, необитаемых на первый взгляд, а на самом деле готовых принять солдат АНО. Изредка французы во время облав натываются на одну или две такие хижины, но в этих случаях потеря невелика. Лес в изобилии снабжает солдат ветвями и листьями, которых достаточно, чтобы восстановить подожженные гурби, а в горах можно найти сколько угодно камней для кладки фундамента. Недалеко от поселка я обна-

ружил большие превосходно обтесанные камни, расположенные правильными рядами, должно быть, это остатки какого-нибудь укрепленного поста или римской фактории. Алжирские крестьяне используют такие камни для постройки своих жилищ, а бойцам АНО они служат укрытием для пулеметов и минометов.

К 4 часам пополудни прибывает целое отделение роты. Французы укрылись в фортах и выйдут из них не раньше завтрашнего дня, когда покажется солнце и станет светло. Но впереди — на направлении, ведущем к Ла-Калле, все же остался почти взвод роты, готовый поднять тревогу, если французы вздумают атаковать ночью. Я решил воспользоваться этим временем, чтобы ознакомиться с вооружением солдат. Во взводе около 50 солдат; на его вооружении полевой миномет, два — три ружья базука американского производства, два тяжелых французских пулемета, очевидно захваченных в бою, автоматы итальянского и немецкого производства и американские винтовки типа «маузер». Откуда получено это оружие? — Белькасем пожимает плечами: оружие поступает из захваченных и разрушенных фортов; его передают АНО дезертиры из гумье; его захватывают у конвоев на дороге между Ла-Калле и Боном; оружие поступает из Германии и Италии, откуда оно доставляется разветвленной сетью контрабандистов на небольших рыбацких судах, которым удастся проскользнуть между блокирующими побережье французскими кораблями; оружие доставляют через Сахару из Туниса, Ливии, Египта.

Мы ужинаем, а затем греемся, сидя у огня: ночи в Алжире всегда довольно холодны, даже если днем сильно припекает солнце. Тем временем поступают первые сообщения о расположении противника, то есть французов, о его маневрах, о предполагаемых передвижениях.

Я отдаю себе отчет в том, что успех атаки, удача засады, осуществление диверсии в огромной степени зависят от десятков подобных коротеньких сообщений. Так, например, сообщают, что конвой, следующий в Бон, Ла-Калле и Лакруа, прошел пять дней тому назад, значит, несомненно, что завтра или послезавтра он снова должен будет пройти по национальному шоссе. Вчера в полдень французский патруль вышел из Лакруа, подошел к тунисской границе, добрался до одной мехты

и оставался там с час, допросив одного за другим всех жителей о возможном наличии партизан в этом районе, затем патруль удалился, захватив двух заложников. Несколько южнее, по направлению к Тарфу, французы непрерывно высылают патруль ближней разведки. В Ла-Калле гарнизон усилен отрядом из 250 альпийских стрелков под командованием капитана Пюшер. В Бландан прибыли подкрепления сенегальцев под командованием капитана Мозер. Гарнизон в Комбе усилен двумя броневиками. В Ла-Калле неделю тому назад высадился с корабля отряд Иностранного легиона. Маццуз, Белькасем и Ахмар внимательно изучают все эти сообщения, отмечая на карте пункты, которые в них упоминаются, и передают приказы наиболее удаленным взводам своей роты, одновременно докладывая об этом штабу батальона при помощи небольшой полевой радиостанции. А в тех местах, где карта недостаточно уточнена, Ахмар и Белькасем время от времени наносят знаки — кружки либо прямые и кривые линии. Эти знаки обозначают выступающую скалу, за которой может быть размещен пулемет, тропу, по которой незаметно от противника могут пройти человек двадцать, лесную тропинку, возвышение на местности, за которым можно устроить засаду.

Я с удивлением замечаю, что думаю о том, в какой мере французам должно быть трудней сражаться в условиях, в которых они находятся. Ведь французы очутились на осажденных островах посреди моря, принадлежащего противнику. Маццуз, Белькасем и Ахмар продолжают совещаться. Где они решат атаковать? Под конец они приходят к заключению, что окончательное решение лучше отложить до завтра. Прежде всего нужны более надежные сведения о проходе следующего конвоя от Бона до Ла-Калле. К 11 часам старшего сержанта первого взвода, пожилого человека с великолепными усами и красным тюрбаном на голове, который как будто чувствует себя весьма неуютно в обмундировании американского образца, посылают в сторону Лакруа, чтобы собрать более точные сведения об активности французских патрулей. Наконец Маццуз, Салах, Белькасем и Ахмар собираются у огня, чтобы побеседовать со мной. Они говорят, что мы находимся в 20 километрах от наиболее близкого к нам французского

поста, а завтра мы еще больше приблизимся к французам на направлении, которое мне станет известно лишь в момент выхода. Мы выйдем рано утром, вот почему сейчас лучше всего лечь спать. Они еще не знают, когда и где будет предпринята атака. Она может произойти завтра, но, возможно, будет отложена на 15 дней. Партизанская война состоит из этого долгого, порой бесконечного выжидания.

Я выхожу из гурби, в котором сильно накурено, чтобы немного подышать свежим воздухом. Луна сверкает на чистом, прозрачном, словно отполированная поверхность стекла, небе. Впервые ощущаю, что здесь и небо совсем другое, чем над Европой: оно здесь огромно и прозрачно, словом, это небо Африки. Вблизи виден часовой, расхаживающий среди деревьев, на плече у него ружье с примкнутым штыком. Порыв ледяного ветра заставляет меня вернуться в хижину. Еще несколько раз мигнул и затем угас огонь в керосиновой лампочке. Укладываюсь прямо на землю, где постелены листья; ложусь, как было велено, не раздеваясь, не снимая обуви, натянув на глаза выданные мне одеяла; как журналист, я имею право на два одеяла, в то время как солдаты АНО получают лишь одно. И все же оба моих одеяла не могут должным образом укрыть меня от ветра, проникающего в гурби сквозь тысячи щелей. Готовлюсь, как и в предыдущие ночи, терпеливо перенести нашествие паразитов, которых так много внутри этой хижины (между прочим, их отличает исключительная сопротивляемость любым атакам, проводимым при помощи ДДТ). Улеглись и мои спутники. Лишь в углу, обернувшись лицом к востоку, молится Белькасем и до меня доносится его невнятное бормотанье.

Очевидно, час боя недалек.

НЕУДАВШАЯСЯ ЗАСАДА

Северная часть департамента Бон, в которой действуют первый и второй батальоны Восточной базы, почти вся покрыта дубовыми рощами и зарослями кустарников.

Благодаря гористому характеру местности, представляющей собой высокогорье, посреди которого нежи-

данно вздымаются скалы и бушуют горные потоки, пересекающие леса и превращающие тропы в заболоченные полосы земли, где ноги увязают по лодыжку и передвигаться можно лишь медленно и с трудом, северная часть департамента Бон весьма подходит для применения тактики партизанской борьбы.

Спустя несколько дней мы в одно ноябрьское утро, на самом рассвете покидаем штаб третьей роты и отправляемся на запад от Лакруа, в населенный пункт, название которого не было уточнено. Всю ночь лил дождь; почва, и до того пропитанная водой, превратилась теперь в сплошное месиво; скользят и люди и мулы. Однако покинуть лес и выйти на более удобную дорогу, ведущую из Тарфа и Ла-Калле, мы не можем, потому что в дневные часы она контролируется французами. Небо покрыто тучами, и к 8 часам утра снова льет частый дождь; вскоре мундиры солдат насквозь пропитываются водой, вода пробирается за воротник, в обувь, не оставляет на теле сухого места и все более затрудняет движение. К 10 часам дождь прекратился, на небе появилась сверкающая полоса радуги, гордо развернувшей свое расцвеченное полотнище между двумя вершинами гор.

Мы медленно спускаемся к долине. Лес постепенно редет; вскоре мы оставляем позади почерневшие от дождя стволы дубов, защитный зонт листвы, надежное прикрытие кустарников. Быстро пересекаем долину, затем нас снова ждет подъем на другой склон. С нами человек пятьдесят, они вооружены винтовками; готовы к любой неожиданности. Справа от нас движется второй взвод роты под командованием Ахмара. Впереди человек тридцать, посланных в ближнюю разведку.

К 11 часам утра солнце окончательно прорвалось сквозь облака. Мы останавливаемся в ожидании известий от высланной вперед группы: она уже должна была достигнуть мекты, расположенной километрах в десяти от Лакруа. Слева доносится эхо нескольких далеких выстрелов — это значит, что по дороге, ведущей из Бона в Ла-Калле, проходит конвой со снабжением; мы слышим упорное жужжанье самолетов, пролетающих над горами. Солдаты, укрывшись за деревьями, разжигают небольшой костер, используя захваченные с собой сухие ветви с соломой, и тотчас же принимаются кипятить

кофе. Но вот получен приказ возобновить марш. Мы подходим к Ханг-Теун — зоне, которую высшее французское командование объявило «запретной». У самой долины возникают группы белых домов с развороченными крышами и разрушенными стенами. До прошлого года эта зона была местом частых столкновений между французскими патрулями и группами алжирских партизан. В сентябре 1956 г. высшее французское командование, заподозрив население в оказании помощи бойцам АНО, приказало выселить отсюда всех жителей и уничтожить их жилища. Пробегаем между деревьями, согнувшись вдвое, чтобы нас не обнаружили французские наблюдательные посты, и выходим к долине. Солнце теперь поднялось высоко. Его лучи сушат наши мундиры и приятно согревают тело. Долина походит на красивый зеленый ковер, пересекаемый водным потоком, и веселит глаз растущая здесь акация, но вокруг нельзя обнаружить ни малейших признаков жизни. Вместе с Белькасем и Маццузом останавливаюсь у дома, который выглядит богаче остальных. Его украшают полосы желтой, зеленой и голубой майолики, живописно оттеняющие белизну стен. У двери — брошенные кем-то мотыга, плуг, тачка. Окна закрыты. Снаружи дом кажется нетронутым. Мы толкаем дверь и входим во дворик, усеянный осколками стекла, обрывками бумаги. Подымаемся по трем ступенькам и входим в дом. Здесь совсем нет мебели: ни стола, ни стула — ничего. Лишь осколки стекла сверкают под лучами солнца, проникающими сквозь дыру в потолке. Подымаю несколько обрывков бумаги. На одном из них по-французски изложены краткие сведения по истории объединения Италии в период 1848—1870 гг. Мне говорят, что мы в доме учителя Рахмаль Ахмеда, расстрелянного французами вместе с 11 членами его семьи, после того как Ханг-Теун был объявлен «запретной зоной». В тени за домом — 12 холмиков красноватой земли, все разной величины. Под ними с сентября 1956 г. покоится семья Рахмаль Ахмеда.

Мы покидаем зону Ханг-Теун и после часового марша добираемся до новой мехты. В долине, прямо перед нами, видны крыши Лакруа. Они похожи на темные пятна посреди зеленых полей. Разведчики сообщают, что французские патрули вышли в окрестные поля и про-

веряют арабские мехты. Белькасем ждет, пока не будет установлено, в какие часы и в каком месте вылазки французских патрулей становятся более частыми. В 4 часа дня один из разведчиков сообщает, что следующий из Бона в Ла-Калле конвой завтра прибует в Лакруа. Поэтому весьма вероятно, что французские патрули высылаются в окрестности с целью разведки. В 5 часов дня воздух сотрясают три взрыва, быстро следующие один за другим. Мы видим, как в долине, прямо перед нами, вздымается кверху и рассыпается столб земли, а в воздухе возникают белесые тучки. Посты Лакруа трижды стреляли из миномета. Знают ли французы о нашем появлении? Белькасем отвечает, что гарнизон Лакруа, по всей вероятности, ведет стрельбу наугад, чтобы удостовериться, нет ли засад на пути конвоя, который должен будет пройти завтра. Но мы в любом случае с наступлением темноты покинем нашу позицию и перейдем на расположенную напротив нас гору, совершив для этого полукруговой обход Лакруа. В ожидании этого он советует отдохнуть.

Мы ждем, чтоб настала ночь и высоко взошла луна. Теперь мы снова выступаем. Солдаты шагают молча, растянувшись в цепочку, они походят на тени, которые лишь чуть посветлей, чем стволы деревьев. Мы пересекаем выжженный напалмом участок леса, подымая целые облака пепла; от него становится трудно дышать, лица и мундиры солдат чернеют. Совсем близко, в какой-нибудь сотне метров от нас,— Лакруа; мы проходим так близко, что можно различить огни городка, слышать лай собак, окрики часовых. Затем под прикрытием ночи выходим на дорогу, которая в дневное время находится под контролем французов. Шаги солдат, ступающих в полотняной обуви по твердой земле дороги, совсем бесшумны. Запрещены разговоры, курение, любые остановки без особого приказа Белькасема. Мулы, которые стуком своих подков могли бы выдать противнику наше присутствие, оставлены в одном из крестьянских гурби. Быстрый и молчаливый марш сквозь леденящий холод ночи продолжается 6 часов. Мы перемещаемся в расположенный к востоку от Лакруа пункт, название которого я не знаю. Вдали, в долине, еще можно различить огни городка. Солдаты из срубленных стволов сооружают на опушке леса временное укрытие.

Взвод, пришедший раньше нас, уже позаботился об устройстве небольших позиций для пулеметов и минометов. Мне говорят, что вчера здесь проходили французы, они открыли огонь по чьей-то тени, двигавшейся среди листвы, и убили одного крестьянина. Возможно, они вернутся сюда еще сегодня или завтра.

На рассвете мы засыпаем под прикрытием деревьев, укутавшись в одеяла. Будят нас глухие звуки стрельбы французской артиллерии. Сейчас конвой движется из Ла-Калле в Лакруа и французы простреливают поля вдоль дороги. Мы слышим, как скрежещут гусеницы танков, сопровождающих грузовики со снабжением. Доберутся ли французские патрули сюда? Солдаты весь день неподвижно стоят под лучами солнца, не сводя глаз с распростертой перед ними долины.

В полдень они достают из карманов куски галет и с жадностью едят их. Мы с Белькасем в сопровождении небольшой группы солдат, согнувшись в три погибели, передвигаемся в густой листве деревьев, чтобы добраться до близлежащей мехты и разузнать получше об убитом здесь крестьянине. Из одного гурби доносится плач семьи убитого. А метрах в двухстах от мехты мы видим на земле пятна крови, брошенный кем-то ботинок и огрызок карандаша. На почве еще можно различить следы подбитой гвоздями обуви французских солдат. Белькасем показывает мне, что они направляются в Лакруа как раз через то место, где подготовлена засада. Мы тем же путем возвращаемся назад.

Ожидание с каждым часом становится все томительней. Чтобы не выдать своего присутствия, мы свели все передвижения к минимуму. Естественные надобности тоже приходится отправлять на месте. Голод утоляем сардинами и галетами. Придется дожидаться ночи, прежде чем можно будет запастись водой из близлежащей реки, а жажда тем временем дает себя знать. Глаза начинают болеть от непрерывного разглядывания лежащей перед нами долины. Там, в направлении к Лакруа, все тихо и спокойно, словно над городком не нависло никакой угрозы. Медленно и тихо, в каком-то почти нереальном покое проходит полдень. Тела солдат сливаются с деревьями, камнями, почвой. Внизу, в долине, люди готовятся к тому, чтобы подняться сюда, убивать или быть убитыми. Здесь люди также готовы превра-

титься в орудия войны, готовы убивать и умереть, если потребуется. Война в этих горах походит на драматическую игру, в которую люди, находящиеся на противоположных сторонах, вкладывают весь свой разум, всю хитрость, всю силу. Здесь все поставлено на службу одной определенной цели — уничтожить противника. В активе может быть захваченное оружие, подожженный форт, сбитый самолет; в пассиве — мертвецы, которых обе стороны оставят на поле боя.

Наконец наступает ночь и вместе с ней возможность двигаться, лечь поудобней, напиться воды, уснуть. К рассвету погода внезапно меняется. Снова льет дождь. От него не спасают ни листья деревьев, ни наши одеяла. Мундиры снова намокли, но нельзя разжечь костер, чтобы просушить одежду и согреться. Ждем, что наступит рассвет и снова выглянет солнце. Но и эта надежда оказалась напрасной. Мы здесь проводим два дня и ночь, поджидая противника. Затем поступает сообщение: французы знают, что солдаты АНО подстерегают их в горах у Лакруа, и поэтому они не выходят из фортов. Дислоцированная в Боне авиация уже получила приказ быть готовой к вылету и массовой бомбежке, на случай если партизаны предпримут атаку и выдадут свое расположение.

Белькасем получает от штаба батальона новый приказ. Третья рота, усиленная двумя взводами второй роты, перебрасывается на юг, чтобы принять участие в атаке против фортов Айн-Зана и Митом. Французское командование отвело оттуда часть войск, и оба форта сейчас относительно ослаблены. С выжиданием подхода противника пока покончено. После четырех ночей марша мы утром 10 ноября прибываем в окрестности Айн-Зана. Атака назначена на следующую ночь.

АТАКА У АЙН-ЗАНА

Атака форта Айн-Зана происходит в ночь на 11 апреля. Вначале командование Восточной базы решило направить на этот форт всю тяжесть атаки, но затем план был изменен: одна рота, вооруженная автоматами и базукой, атакует укрепленный район Митома. Два взвода атакуют Айн-Зана, чтобы предотвратить подход

подкреплений к Митому. Группа, предназначенная для атаки Айн-Зана, насчитывает 50 человек под командой Белькасема. Приказ точен: нужно помешать войскам и бронесредствам противника выйти на поддержку осажденного гарнизона Митома. Значит, есть основания опасаться, что группе Белькасема в составе 50 человек одной придется выдержать атаку 200 или более солдат, составляющих гарнизон Айн-Зана. Но очевидно, что фактор внезапности должен действовать в пользу солдат АНО.

В 17 часов покидаем место основного привала. Солнце шлет нам свои последние лучи, окрашивая облака и небо в великолепные тона: красный, темно-голубой, фиолетовый, серовато-синий. Солдаты шагают по лесу молча, без единого слова, ускоряя шаг при проходе небольших лужаек. Эти люди без какой-либо торжественности готовятся убивать или быть убитыми, словно речь идет об одном из обычных повседневных дел. О чем они думают, какие чувства волнуют их? Сейчас мне трудно на это ответить. Пока все их внимание поглощено маршем, направлено на то, чтоб обойти стволы деревьев, преграждающих путь, миновать заболоченные участки, не допустить ни малейшего шума, который мог бы выдать врагу их присутствие. На лицах солдат помоложе, которым, быть может, предстоит первое боевое крещение, можно заметить признаки суровой напряженности. Губы поджаты, за дорогой они следят с преувеличенным вниманием. Словом, заметны признаки более глубоких чувств.

Белькасем, напротив, спокоен и безмятежен. Он то и дело улыбается, не знаю только кому, себе или другим. Он выстругал себе небольшую палку и, шагая по труднопроходимым местам, опирается на нее. Порой Белькасем останавливается и говорит вполголоса, как бы обращаясь к самому себе: «Это война. День за днем, а порой и неделями мы бродим вокруг противника, шагаем тихо, молчим, избегаем малейшего шума. А затем... трах!» — и он ладонью правой руки хлопает по левой, сжатой в кулак. Там, между воображаемыми молотом и наковальней, должен находиться противник, с которым мы скоро встретимся в бою.

К 19 часам мы в километре от позиций противника в Айн-Зана — белесом пятне на опушке леса. Три мино-

мета установлены на расстоянии в 500 метров один от другого; они готовы открыть огонь по форту. Человек 30 ползком пробираются на расстояние в 100 метров от французских позиций. Наступила темнота, но мы ясно видим дома, расположенные перед нами. Центральное здание форта окружено высокой стеной, в верхней части которой видны бойницы, размещенные на равном расстоянии одна от другой. По обе стороны здания возвышаются две пулеметные установки. Фонарь освещает внутренний двор французского форта. Три ряда заграждений из колючей проволоки отливают серебром при свете луны. Солдаты, подползшие вместе с нами, укрываются за деревьями, за складками местности, выбирая наиболее удобную позицию для стрельбы. Пулеметы АНО наведены на бойницы в стене центрального здания. Порыв ветра доносит к нам из французского форта сухой окрик, возможно слова команды. Затем все вокруг замолкает, и снова наступает тишина. Очевидно, что в Айн-Зана не ждут атаки.

Я возвращаюсь назад с группой подрывников, которой поручено минировать дорогу, ведущую из Айн-Зана в Митом. Мы совершаем большой круг по лесу и выходим к дороге в одном километре от того места, откуда вышли. Мины изготовлены примитивным способом из 105-миллиметровых гаубичных снарядов. Быстрыми, спокойными и точными движениями, стараясь произвести как можно меньше шума, солдаты зарывают мины и покрывают их землей.

К 20 часам все готово. Начинается ожидание.

Холод становится все сильнее, и от него уже не спасает легкое полотняное обмундирование. Рядом со мной солдат дважды приглушенно кашлянул в кулак. Другой ласково шепчет на ухо своему соседу: «Лабес?» В ответ сосед качает головой, закрыв глаза. Это значит: «Плохи дела, холодно, сидеть неудобно, камень жмет на живот, готов все отдать за чашку чаю и кусок галеты». Кто-то достал из карманов маленькие плоды, собранные в лесу во время марша, и предлагает их мне. Белькасем вынимает кожаный кисет, насыпает на палец немного табаку и слегка потирает им десна. Этот способ ничуть не хуже других, помогающих справиться с искушением закурить сигарету. Затем Белькасем отползает назад, туда, где установлен миномет. Осталось всего

несколько минут до назначенного времени атаки против Митома.

В 21 час справа от нас сотрясает воздух первый разрыв. Стрельба ведется по направлению Митома. За первым выстрелом следуют другие. Они оповещают нас о начале боя. Сюда доносятся глухие выстрелы базуки, настойчивый треск пулеметов. Расположенный против нас форт Айн-Зана внезапно оживает. Ясно различаю фигуры французских солдат, бегущих к пулеметным установкам, слышу выкрики офицеров, треск внезапно заведенного мотора. Над центральным зданием зажигается еще один прожектор, который принимается обшаривать близлежащий лес.

В 22 часа из Айн-Зана выезжают два броневика и танк. Они направляются в сторону Митома. Белькасем приказывает открыть огонь лишь в том случае, если из форта выйдут солдаты.

В 22 часа 30 минут до нас доносятся несколько очень сильных взрывов со стороны дороги, ведущей из Айн-Зана в Митом, затем мы сквозь листву деревьев различаем вспышки пламени. Броневики и танк, вышедшие из Айн-Зана, подорвались на минах, установленных вдоль дороги. Шедший первым броневик похож на горящий факел. Второй тяжело поврежден, теперь он загородил дорогу. Экипажу первого броневика не удалось спастись. Экипаж второго броневика возвращается в Айн-Зана под прикрытием танка. В любом случае французы лишены материальной возможности направить подкрепления в Митом. Из Айн-Зана открывают яростный огонь по лесу. Белькасем повторяет приказ: не отвечать. Французы ведут огонь из минометов и тяжелых пулеметов; мы видим небольшие светящиеся полосы, видим, как пули прорывают листву, вздымают облака пыли. Гарнизон Айн-Зана обстреливает своего злейшего врага — лес, который в тени своих деревьев скрывает солдат АНО. Вскоре огонь стихает, а затем и вовсе прекращается.

Слабее становится и шум боя в Митоме, теперь лишь французская артиллерия простреливает зону. Наступает полночь. Белькасем решает начать обстрел Айн-Зана из минометов. Лес внезапно оживает: с десятков выстрелов, направленных против расположенного прямо перед нами большого здания, быстро следуют

один за другим. Мы находимся на ближних подступах и господствуем над местностью. Мины попадают в цель. Гаснет прожектор, освещавший внутренний двор форта. Вскоре и второй прожектор клонится книзу и также гаснет. Застигнутый врасплох гарнизон Айн-Зана через некоторое время снова открывает минометный и пулеметный огонь. Теперь французы могут вести прицельную стрельбу — вскоре одна мина разрывается совсем близко от ямки, в которой я укрылся вместе с группой солдат. Мы засыпаны землей. Подымаем головы: бойцы, выдвинувшиеся на расстояние сотни метров от французского форта, ведут пулеметный обстрел бойниц. Слышны выстрелы из винтовок, чьи-то крики. Еще шесть французских гаубичных снарядов разрываются метрах в пятидесяти от минометной установки. Белькасем приказывает открыть беглый огонь: около 20 попаданий в центральное здание — мы видим, как там подымается пламя пожара. Но и стрельба французов становится все точней, она вынуждает солдат АНО переменить позицию миномета. Огонь с обеих сторон продолжается. С нашего НП мы видим, что обе пулеметные установки французского форта подавлены. Оружие валяется посреди груды разбитых камней и щебня. Из лесу неумолимо доносится ритмичная стрельба из автоматов. Я думаю о людях, находящихся перед нами, они вынуждены сражаться в темноте против невидимого врага, они окружены таящими в себе опасность стенами и могут ждать только худшего. Я спрашиваю себя: будут ли они атаковать, попытаются ли они совершить вылазку из форта?

Трудно теперь составить себе точное представление о ходе боя. Я здесь среди людей, которым нужно выполнять строго определенную задачу, у них нет времени отвечать на мои вопросы. Там, перед нами, — люди, которые решили дорого продать свою жизнь. Здесь — люди, полные решимости нанести противнику предельный урон. Их разделяет четкая разграничительная линия — стена, воздвигнутая выстрелами минометов и пулеметов. Несколько лет тому назад во Франции, в Италии, в Индо-Китае эти стоящие теперь друг против друга люди жили и сражались вместе. Тогда они научились знать друг друга, теперь они учатся друг друга ненавидеть.

К 2 часам утра огонь стихает. В тишине, внезапно наступившей в лесу и в долине, слышен гул самолетов, летящих на помощь Айн-Зана. Настало время вернуться к основному привалу. Мы движемся по лесу с предельно возможной в темноте быстротой. То и дело кто-нибудь спотыкается о корни либо скользит по грязи, но тотчас же вновь подымается. Над нами слышен гул французских самолетов — это «Моран» и «Б-26», но лес укрывает нас превосходно. Самолеты бомбят наугад, и тогда мы быстро кидаемся на землю. Затем самолеты удаляются. Прежде чем мы добрались до основного привала, мы встречаем тех, кто участвовал в атаке на Митом.

Останавливаемся. Только теперь я могу разглядеть солдат, стоящих рядом со мной. Их лица суровы и напряженны, словно бой еще не кончился; их глаза выдают усталость, тревогу, страх. Обмундирование забрызгано грязью, разодрано о колючки и острые камни. Мы несколько минут отдыхаем. С места основного привала подходит колонна мулов. На них погружают раненых и павших в боях у Митома и Айн-Зана.

К 4 часам утра прибываем к основному привалу. Раненым оказывают первую помощь, затем на импровизированных носилках или мулах их переправляют в более надежный лагерь. У одного солдата перебита нога. Он еще очень молод и глядит по сторонам своими испуганными глазами. Должно быть, он очень страдает, хотя жалоб от него не слышно. Ему делают уколы, успокаивающие боль, затем кладут на носилки и уносят вслед за другими ранеными. Должно быть, его перебросят на тунисскую территорию, но трудно сказать, сумеет ли он вынести все тяготы пути.

Белькасем и другие офицеры подводят итоги потерь. Раненых восемь, убитых шесть. Невозможно подсчитать число мертвецов, лежащих за стенами Айн-Зана и Митома, но французские потери, должно быть, велики. Оба форта наполовину разрушены, два броневика подорвались на минах. Французское командование, конечно, вынуждено будет направить в Айн-Зана и Митом подкрепления, ослабив тем самым иные центры. Тогда АНО атакует французов в ослабленных пунктах.

Я уже сказал, что в атаке у Митома и Айн-Зана АНО потеряла шесть солдат. Но к основному привалу при-

несли лишь тела пяти павших. Шестой повис на колючей изгороди, которой окружен форт Митома. Снять его с проволоки не удалось, тогда убитый солдат был раздет догола. Завтра противник найдет на колючей проволоке у Митома тело человека без имени и без мундира. Тела пяти павших солдат отвезли на мулах метров за двести от основного привала и там похоронили. Перед солдатами, застывшими по команде «смирно», Белькасем произнес краткое надгробное слово. До захоронения из мундиров павших извлекают удостоверения и все личные документы, затем с покойников снимают обувь. Солдаты роют в каменистой почве яму и укладывают в ней рядом одно с другим безжизненные тела. Яму засыпают землей, и долго еще солдаты ровняют землю ногами, чтоб от могилы не осталось и следа.

Белькасем заносит в блокнот имена павших и сжигает их личные документы. Наконец он приказывает возобновить марш. Уснувших в хижинах солдат поднимают сухими приказами, не слишком с ними церемонясь. Через несколько часов мы должны находиться как можно дальше отсюда.

ФРАНЦУЗСКИЕ СОЛДАТЫ ПИШУТ ДОМОЙ

В штабе первого батальона я нахожу чемодан, полный документов: письма, книги, личные бумаги французских солдат, 20 октября убитых в бою у Мехери (район Сук-Ахраса), а также письма, отобранные у военного курьера, взятого в плен солдатами АНО.

Прежде чем говорить об этих документах, считаю своим долгом ответить на вопрос: с какими чувствами я, итальянский журналист, отправился к алжирским партизанам?

В ночь на 1 ноября 1957 г. (годовщина алжирской революции) я в штабе первого батальона, вместе с Салахом перелистывая письма французских солдат, убитых у Мехери, искал ответа на вопрос: за что сражаются французские солдаты? Не отрицаю: я не мог без волнения читать документы, пробитые пулями. В какой-то мере мне казалось, что павшие у Мехери солдаты были солдатами моей страны, неизвестно как очутившимися здесь, в горах Алжира. Было уже за полночь, когда

Салах сказал мне: «Для нас, алжирцев, наступает четвертый год войны. Три года тому назад, в день 1 ноября, мы взяли за оружие. Может быть, тогда мы не знали, как дорого это нам обойдется. Но теперь уже нельзя вернуться назад».

Салах умолк. Что же до меня, то я не могу избавиться от мыслей, вызванных письмами, которые я только что кончил читать. Я говорю Салаху: «Давайте вдвоем подумаем минуту о жертвах обеих воюющих сторон». Салах согласился с моим предложением. Вначале я решил не писать об этих документах и изменил это решение лишь потому, что документы сами по себе могут служить иллюстрацией «другой стороны» алжирской войны — этой драмы, равно поражающей и французов и алжирцев.

Среди документов, захваченных в Мехери солдатами АНО, есть личные бумаги, книги, листы приказов, письма, фотографии. Чтение их дает возможность проследить за судьбой некоторых французских солдат из форта Мехери. Я ограничусь двумя примерами: 1 марта 1957 г. солдат Раймон Н. (его фамилия говорит о корсиканском происхождении) призван на военную службу. Он оставляет дом, друзей, небольшой завод, на котором работает механиком, чтобы явиться к военным властям и получить назначение в контингент, предназначенный для Алжира. Раймону Н. двадцать лет, о Северной Африке он не знает ничего или почти ничего. Но это неважно — военные власти снабжают его небольшой книжечкой в зеленой обложке: в ней сказано, «как обращаться с местным населением арабских стран». В казарме Раймон Н. позирует перед фотографом — он снят рядом с танком. Ствол автомата прочно зажат в правой руке, берет лихо сдвинут на затылок. Двадцатого марта его отправляют в Алжир. Высаживается он в Филиппвиле, но это лишь первый этап. Из Филиппвиля его отправляют в Бон, здесь он проводит два месяца. 22 мая по железной дороге он отправляется в Сук-Ахрас, а оттуда вместе со взводом своей роты — в Мехери. Родные пишут ему о повседневной жизни: «Христиан ест мало, потому что болеет»; «Сегодня воскресенье, и я пишу всего несколько строчек, чтобы сказать, что мы ждем тебя»; «Я задаю себе вопрос, что я должен теперь делать со своей старой машиной». Дни Рай-

мона Н., запертого в форту на окраине враждебного леса, протекают медленно, однообразно, скучно. Но потом наступают иные дни — дни тревоги и страха. Партизаны атакуют дорогу, ведущую в Сук-Ахрас, бомбят форт; патрули, уходящие в глубь гор, не уверены, что вернутся назад. Не знаю, что изменилось в душе Раймона Н. Но думаю, что «стихи», найденные среди его личных бумаг, говорят о том, что он, конечно, не любил эту убившую его войну. Вот они:

Двадцать лет прошло с тех пор,
Как мать готовила мне колыбель,
А теперь армия
Готовит мне могилу.
О своем полку я вспомню,
Когда выпадет черный снег
И прилетят белые вороны.
Как-то сдуру Наполеон
Сделал из б... императрицу,
Может, поэтому в нашем полку
Б... стал лейтенантом.
По утрам спокойно
За дело берись,
Вечером тоже спокоен будь,
Не теряй ни минуты,
Если можешь до койки добраться.

Почти такова же судьба другого солдата — Ги С., из Байонны, маленького городка в департаменте Нижние Пиренеи. Он был призван 1 марта 1957 г., послан в Алжир, высадился в Филиппвиле, переведен в Бон, затем в Сук-Ахрас и оттуда в Мехери. Война ему не нравится. В минуты отдыха, в перерыве между маршами и перебросками, он взял лист белой бумаги и нарисовал на нем календарь, озаглавив его «Календарь или хождение солдата по мукам». И начиная с 1 марта по 20 октября — день, когда он был убит, — солдат из Байонны черным крестом вычеркивает из своего календаря дни, как бы уничтожая преграды на пути к своему возвращению домой. На обратной стороне календаря он пишет вот эти «стихи».

Я потратил день,
Чтобы изготовить этот календарь,
Неделю, чтобы согласиться
Жить по нему.
Вся моя жизнь
Уйдет на то,
Чтобы о нем забыть.

Не менее трагичны письма, захваченные у военного курьера на дороге Лакруа — Ла-Калле. Беру наугад некоторые из них. Капитан Поль Г., командир небольшого отряда, расположенного в мехте к западу от Лакруа, пишет в штаб Ла-Калле: «Позволю себе привлечь внимание Вашего штаба к усилению действий повстанцев за последние недели... Мой отряд был атакован дважды... Я не могу уточнить потерь противника, потому что, как известно Вашему штабу, мятежники обычно уносят с собой своих мертвецов...» Лейтенант Жюльен В. пишет своему другу: «Дорогой Анри, я с опозданием отвечаю на твое письмо, полученное в конце сентября и доставившее мне много радости. Вести от друзей — это самое лучшее, что может быть в моем положении. Я здоров, и это главное. Ты спрашиваешь меня, развлекаюсь ли я здесь. Эти слова заставляют меня думать, что во Франции нет ни одного человека, который знал бы о нашей здешней жизни. Здесь спят в одежде, ружье держат под рукой. Нельзя углубляться в горы, нельзя выходить из форта без риска быть убитым... Две недели тому назад была захвачена почта, отправленная в Бон. Быть может, ты об этом слышал. Мне до сих пор везло, и меня ни разу не атаковали во время патрулирования. Не сердись на меня за то, что я сказал, хотелось облегчить себе душу...» А вот что пишет своему другу солдат Пьер Л.: «Желаю, чтоб у тебя не было такой военной службы, как у меня... Здесь положение не блестящее. Грузовик, перевозивший почту в Бон, был атакован и изрешечен пулями. Дело в том, что люди нас ненавидят. Но разве можно не испытывать ненависть на войне?..»

ПО ТУ СТОРОНУ ЛИНИИ МОРИСА

Еще пять дней марша, и мы приближаемся к линии Мориса. Сначала мы передвигались в дневное время, но затем вступили в зону, над которой летают французские самолеты, и тогда переходы стали совершаться только по ночам. Солдаты третьей роты подружились со мной; сдержанность, с которой обычно относятся друг к другу люди различных стран, различной культуры и вкусов, больше не давала себя знать. Когда нам приходилось в дневное время пересекать холмистые поляны, я, как и

все солдаты роты, надевал галибию, покрывая капюшон голову, чтобы как можно лучше походить на мирного алжирского крестьянина. Теперь зона, в которой силы АНО обладают известным превосходством, уже позади; мы вступаем в зону «кондоминиума»¹ враждующих сил. Мы оставили лошадей и мулов, и переходы совершаются только пешком. Проходим за сутки от 15 до 20 километров. Чтоб не задерживать колонну, я научился ходить довольно быстро. Научился даже под нестерпимо палящими лучами солнца обходиться без воды, а ночами шагать, укутавшись в одеяло, которое защищает меня от холода; научился спать, не раздеваясь и даже не снимая обуви и шапки, чтобы вскочить при малейшем сигнале тревоги. Порой мне кажется, что, даже когда мы к вечеру или к утру доберемся до привала, ноги сами по себе будут продолжать марш, совсем механически и против моей воли. От умыванья я отказался. По утрам плескаю себе на лицо немного воды, чтоб прогнать сон. В первые дни кус-кус казался мне чересчур переперченным, баранина слишком жесткой, галеты несъедобными. Теперь я изменил свое отношение к ним. Я научился быстро засыпать, устроившись на соломенной подстилке в гурби либо на ложе из сухих листьев в лесу. Лишь очень редко меня по ночам будит сильный кашель кого-либо из солдат роты. Я научился ступать по заболоченной почве, не скользя и не падая. Научился ценить и с каждым днем все лучше узнавать достоинства молодых солдат роты, с которыми вместе проделал марш,— их спокойствие, выдержку, умение приспособливаться и ту крепкую веру, с которой они идут на риск и жертвуют жизнью на войне. Белькасем говорит мне о том, как «важны» именно первые недели. Но я знаю — вот уже три года, как эти солдаты ведут подобную жизнь.

На второй день марша мы пересекаем поляну, усеянную воронками от разорвавшихся бомб; теперь эти воронки полны дождевой воды, и причудливые корневища переплетаются с остатками вертолета, подбитого зенитными пулеметами АНО. Вечером в месте, избранном для привала, мы повстречались с немцем, дезертировав-

---

¹ *Кондоминиум* — одновременное господство двух государств над одной территорией.— *Ред.*

шим из Иностранного легиона и теперь очутившимся в одном из взводов АНО. Он рассказал мне о своих злоключениях: они начались с того дня, когда он вошел в рекрутское бюро Иностранного легиона, в одном из городов бывшей французской зоны оккупации в Германии; рассказал о том, как высадился в Алжире, как провел здесь короткий, длившийся несколько недель период обучения, как был затем переведен в один из фортов Ауреса.

Слишком укоренились риторические представления о людях, вступающих в Иностранный легион: здесь остается мало места для фантазии; легионер — это либо ищущий спасения и совсем отчаявшийся человек, либо — сорви-голова, жаждущий приключений. Легионеров изображают людьми жестокими, презирающими все на свете, последний признак человеческого достоинства проявляется у них в стремлении к военной славе. Однако на самом деле немецкий легионер, которого я встретил во время марша к линии Мориса, выглядел более жалким. Я так и не смог ясно себе представить, зачем он вступил в легион. Может быть, он был еще очень молод и не сумел приспособиться к тяготам повседневной жизни. Теперь он ждет репатриации в Германию и даже полагает, что день его отправки очень близок.

После трехдневного марша мы приближаемся наконец к линии Мориса. Все учащаются патрульные полеты французских самолетов. Белькасем приказывает прекратить курение и передвигаться как можно бесшумнее. Он даже отказался от использования своей небольшой походной рации, чтобы не выдать французам нашего присутствия. Связь с батальоном будет теперь поддерживаться только через посыльных, которых он отправляет ежедневно, чтобы информировать Лайссани о наших передвижениях. Целый день мы провели в прикромом листвой и совсем слившемся с лесом гурби. Запрещено зажигать огонь, запрещено удаляться от места привала больше чем на 20 метров. Нас не перестают тревожить пулеметные очереди и стрельба из минометов, которую гарнизоны фортов, построенных для охраны линии Мориса, ведут по лесу. Снижаясь над нами, медленно кружит небольшой разведывательный самолет. Зарывшись в листья на земле, мы ждем. Сол-

даты готовы открыть огонь из ручного пулемета, находящегося на вооружении нашего взвода. Но самолет делает крутой вираж и уходит.

Мы ожидаем ночи, чтобы спуститься в долину и перейти по ту сторону линии Мориса. После часа ходьбы добираемся до широкой полосы сожженного леса, предвещающей близость укрепленной линии. Дует сухой ветерок, не сильный, но с каждой минутой он становится все холодней и внезапно поднимает облака пыли — дышать становится трудно. По очевидным соображениям, я не могу указать точное место, в котором мы пересекаем линию Мориса. Могу сказать лишь, что речь идет о пункте икс, расположенном между Дьювивье и Бараллем. Здесь линия была разрушена на участке протяженностью до 20 километров.

Но что же представляет собой эта прославленная укрепленная линия? Она состоит из заградительной полосы колючей проволоки, шириной от 4 до 10 метров, расположенной по обе стороны железной дороги, ведущей из Бона в Тебессу. Колючая проволока закреплена на железных столбиках высотой от 1 до 2 метров. Под каждым из таких столбиков заложена мина, другие мины расположены вокруг. Сквозь заграждение из колючей проволоки пропущен ток высокого напряжения. Для охраны линии Мориса возведены форты, расположенные один от другого на расстоянии в 6 или в 10 километров, с равными интервалами. В фортах установлены трансформаторы тока высокого напряжения. Почти аналогичная укрепленная линия воздвигнута и вдоль границы между Алжиром и Марокко. Мне говорят, что единственная разница в том, что линия Мориса далеко углубляется в алжирскую территорию, в то время как заграждение, прикрывающее алжиро-марокканскую границу, — его называют также «западной линией» — почти точно следует вдоль линии границы.

Обе линии укреплений должны были охватить Алжир, превратив его в огромный концентрационный лагерь. Не знаю, какова эффективность «западной линии». Что же касается линии Мориса, то считаю себя вправе сказать, что она не препятствует ни снабжению Восточной базы и других вилайетов оружием, ни переходу частей АНО. Линия Мориса, несомненно, является дополнительным препятствием, но общеизвестно, что ни одна укреплен-

ная линия никогда не могла предотвратить просачивание через нее солдат партизанской армии.

Французы на протяжении всего дневного времени патрулируют вдоль линии, но по ночам с большой неохотой покидают свои форты. День — тебе, ночь — мне — вот лейтмотив, который после Индо-Китая как будто снова возобладал в ходе алжирской войны. По ночам атакует АНО.

Как я уже писал в одной из предыдущих глав, средства, применяемые для разрушения укрепленной линии, весьма разнообразны: обстрел высоковольтной линии из минометов и базуки, посылка скота на минные поля, личное самопожертвование солдат, отправляющихся на разминирование. Линия Мориса устроена таким образом, что достаточно вырвать из почвы несколько железных столбиков, на которых закреплена колючая проволока, чтобы взорвались зарытые под ними мины и тем самым началась цепная реакция, в результате которой будут подорваны сотни других мин. Железные столбики охватывают длинным стальным канатом, при помощи которого их извлекают из земли, прицепив канат к джипу, либо используя как тягло несколько животных. Особые подразделения АНО в это же время атакуют французские форты, чтобы помешать подходу французских подкреплений к тому участку линии, на котором совершен прорыв. Затем сквозь образовавшийся прорыв проходят солдаты и доставляется снабжение для АНО.

На участке, где мы пересекаем линию Мориса, почва изрыта взрывами, повсюду видны воронки и груды пропитанной водой земли. Картина сама по себе мрачная, а произведенные здесь опустошения заставляют вспомнить о лунном кратере.

Повсюду валяются остатки колючей проволоки, искривленные железные столбы, о которые порой цепляешься на ходу. Вот остов грузовика, который, как я полагаю, был на полной скорости направлен прямо на минное поле, вот скелеты мулов. Товарищи предупреждают меня, что я должен с предельной осторожностью идти след в след за идущими впереди меня солдатами, не отклоняясь от того зигзагообразного пути, который мы избираем, чтобы не наткнуться на еще не взорвавшуюся мину. По другую сторону линии мы снова видим широкую полосу выжженного леса. Луч прожектора,

установленного на одном из французских фортов, внезапно прорезает тьму ночи. Мы падаем на землю, прямо в грязь, и я по пояс проваливаюсь в воронку, полную воды. Ждем. Слышна короткая пулеметная очередь, затем снова наступает тишина. Пробегаем по последней открытой полосе и наконец снова встречаем столь дорогие нам объятия тенистого леса...

На рассвете прибываем в заранее подготовленный для нас лагерь. Здесь можно просушить одежду, подкрепиться чашкой хорошего кофе, отдохнуть.

Теперь мы на территории второго вилайета, то есть в области Константины. Командир роты, в подчинении которого находится зона, где мы расположились лагерем, в полдень приходит навестить нас. Это плотный человек лет сорока, в прошлом капрал французской армии, недавно перешедший в ряды АНО, дезертировав из отряда гумье. В последнем бою он был ранен, и теперь рука у него подвязана к шее. Командир роты рассказывает, что на юге второй вилайет граничит с первым, в который входит горный район Аурес-Неметша, на востоке — с Восточной базой, на западе — с четвертым вилайетом, включающим район самого города Алжира, на севере второй вилайет выходит к морю. Во второй вилайет входят такие важные города, как Константина и Филипвиль. Вот уже несколько недель, как части АНО, расположенные во втором вилайете, ведут общее наступление против французских фортов с целью расширить находящуюся под их контролем зону и улучшить связь с другими вилайетами. Уходя, он рекомендует мне не выходить из гурби без галибии.

АЛЖИР ОСТАЛСЯ ПОЗАДИ

После долгих горных переходов я вернулся наконец к тунисской границе. Это было в теплый и солнечный декабрьский полдень. Вместе с Белькасем и Мохтаром я лежал в тени деревьев. Салах покинул нас вчера, чтобы вернуться в штаб базы. Белькасем одну за другой вынимает пули из своего пистолета и, разрядив его, принимается тщательно чистить. Ахмар жует кусок хлеба, который крестьяне принесли нам из Лакруа. За скалами открывается широкая панорама — видна лежащая внизу

долина, а за ней — море. Мохтар просит меня оставить ему томик Стендаля, который всегда со мной, в моем мешке. Мы ждем, когда настанет вечер и я смогу пересечь границу. По ту сторону, на тунисской территории, меня будет ждать машина, которая через Б. и через А. доставит меня в С.-эль-А. Там я переночую и на следующий день буду в Тунисе.

Впервые после многих дней я больше не слышу над головой жужжанье французских самолетов. Мохтар спрашивает, сколько часов полета от Туниса до Рима. Я отвечаю, что лететь нужно два — три часа. «Всего лишь?» — «Да, только два — три часа». — «Ну, а если морем?» — «Тогда полтора суток до Неаполя, а затем несколько часов езды поездом». Мохтар удивлен, что мало знает о стране, которая так близка к побережью Африки. Спрашиваю его, могу ли я послать ему из Италии что-нибудь такое, что могло бы ему особенно пригодиться, но вскоре сам понимаю неуместность этого вопроса. В чем только не нуждается Мохтар? Его полотняная обувь в дырах, мундир штопан-перештопан, у него очень мало личных вещей, которые он носит с собой в мешке. И все же он готовится к еще одной военной зиме. Я обращаюсь к Белькасему. Что он предпримет теперь со своей третьей ротой? Но и этот вопрос бесполезен. Белькасем отвечает кратко: «Снова начнем прежнюю жизнь — марши, атаки. Одним словом — война».

Ахмар говорит со мной о будущем. Оптимизм этого человека поражает. Он говорит о том, что по окончании войны вступит в национальную гвардию. Он хотел бы также побывать во Франции, в стране, которую не знает. «Что тебе надо во Франции?» — спрашивает Мохтар. «Хочу учиться во французской военной школе», — отвечает Ахмар. В качестве примера он ссылается на то, что молодые офицеры новой тунисской армии были посланы во Францию, чтобы пополнить свое образование. Почему же то же самое не могло бы произойти и с офицерами новой алжирской армии? Мохтар соглашается с ним, но в свою очередь спрашивает: «А будем ли мы еще живы к концу войны?» Ахмар пожимает плечами.

Наступает вечер. Я покидаю третью роту, чтобы перейти на территорию Туниса. В момент прощания снова дает себя знать та взаимная сдержанность, которая исчезла в дни марша к линии Мориса. Я пожимаю руки

тех, кто стоит вблизи меня, говорю им, что рано или поздно надеюсь с ними увидеться. Затем взбираюсь на мула и в сопровождении Белькасема направляюсь к границе. Белькасем приводит меня к черному длинному автомобилю, который ждет на повороте дороги, и прощается, прижимая руку к сердцу. Он просит не забывать его. Я отвечаю, что после окончания войны надеюсь с ним увидеться в Алжире либо в Италии. «Согласен,— говорит он,— если только буду жив». Затем он улыбается и просит не придавать значения его словам. Повернувшись ко мне спиной, он быстрым шагом идет к тропинке, ведущей на территорию Алжира к его роте, к войне.

Я сажусь в машину, которая отъезжает в направлении Б. Мы быстро проезжаем по городку, который выглядит весьма оживленно и сверкает огнями. Мы оставляем позади А. и наконец прибываем в С.-эль-А. Я снова в том же доме, в той же комнате, на той же постели, что и в начале этого путешествия. Не то в силу привычки, не то из-за большой усталости, но спать я ложусь совсем не раздеваясь. На следующее утро выхожу, чтобы купить газеты, и пользуюсь возможностью лучше познакомиться с С.-эль-А. В полдень выезжаю в Тунис. После дождей, прошедших здесь за прошлые недели, дороги стали почти непроезжими. По обочинам дороги при свете фар видны кучи желтоватой глины и отбросы, которые еще нельзя было убрать. Вдалеке видно сияние огней Туниса. Поздний воскресный вечер, улицы начинают пустеть. Меня доставляют к моей гостинице и просят перед отъездом из Туниса зайти к Буменжилю. Вхожу в гостиницу. Ночной портье вручает мне ключ от комнаты и пакет с письмами. Алжир теперь позади. Моя поездка к феллахам закончилась.

ШТАБ АЛЖИРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В Тунисе я вместе с одним французским журналистом привожу в порядок записи ряда бесед, бывших у меня в этой североафриканской столице с некоторыми политическими руководителями ФНО. Моему французскому коллеге также было предложено побывать на алжирской территории с одной из частей АНО. Я почти

уверен, что в первый момент он решил согласиться. Но затем в день моего отъезда в С.-эль-А. он пришел ко мне и сказал: «Я не могу отправиться с тобой. Моему сыну восемнадцать лет. Если война продлится еще два года, он будет там, в Алжире, и будет вынужден воевать. Я не в силах отправиться к феллахам. Мне будет казаться, что я тем самым совершаю предательство по отношению к сыну...» Он взволнованно обнял меня и пожелал мне счастья. Я поблагодарил его за это пожелание, за откровенность и за то, что он еще раз дал мне возможность познакомиться с «другой стороной» алжирской трагедии. Теперь, сравнивая мои впечатления со своими, он помогает мне найти ответ на некоторые оставшиеся невыясненными вопросы.

В Алжире я познакомился с солдатами АНО. Теперь считаю своим долгом рассказать о штабе алжирской революции.

Принято делить членов Исполнительного комитета координации на «политиков» и «военных». К «политикам» относят Ферхата Аббаса, Ламина Дебагхина, Абдель Хамида Мехри, к «военным» — Крим Белькасема, Умрана, Махмуда Шерифа, Бен Тобаля и Абдель Хафида Бусуфа. Рамдана Аббана можно отнести к обеим категориям. В другом месте я уже привел краткие биографии Ферхата Аббаса и Рамдана Аббана. Добавляю, что популярность Ферхата Аббаса у солдат АНО сильно возросла после его кратковременного пребывания среди алжирских партизан. Попытаемся теперь установить, что представляют собой остальные члены ИКК.

Мехри 32 года, он выходец из состоятельной арабской семьи. В прошлом был членом ДТДС, муниципальным советником в Алжире, членом Центрального Комитета ДТДС, сторонником антимессалистской группы; в настоящее время он является представителем ФНО на Среднем Востоке.

Крим Белькасема 35 лет, по происхождению он кабил, был кадровым унтер-офицером французской армии. Участвовал в деятельности ДТДС. В настоящее время является военным руководителем кабийской зоны.

Умрану 38 лет, он кабил по происхождению, бывший кадровый офицер французской армии, имеет награды за кампанию в Италии. Возмущение расизмом, господствовавшим во французской армии, побудило его при-

соединиться к националистическому движению. За участие в политической деятельности Умран был лишен воинского звания, но затем восстановлен, так как не удалось доказать его связь с националистическими элементами, и послан на учебу в военную школу в Шершель. В 1945 г. его арестовали, подвергли пыткам и осудили на длительный срок заключения. Освобожденный по амнистии в 1946 г., он вернулся в Алжир и присоединился к партии ДТДС. Принял участие в восстании 1954 г. Вместе с Кримом Белькасемом является военным руководителем Кабилии.

Бен Тобалю 34 года, он происходит из очень бедной арабской семьи. В прошлом член ДТДС, в настоящее время он командует силами, действующими в области Константины.

Абдель Хафид Бусуф — самый молодой член ИКК. Ему 31 год. Он выходец из очень известной в Константине арабской семьи. В прошлом член ДТДС, после восстания 1954 г. он стал военным помощником Бен Махди в зоне Орана. О Бен Махди следует сказать, что он был выдающимся человеком. В 1956 г. он был взят в плен войсками французского полковника Бижара и сумел внушить последнему такое чувство уважения, что, когда за Бен Махди пришли жандармы, чтобы увести его на расстрел, Бижар велел отдать ему воинские почести. После смерти Бен Махди Абдель Хафид Бусуф стал командовать силами, расположенными в зоне Орана.

Махмуд Шериф, 43 лет, выходец из состоятельной арабской семьи, — в прошлом кадровый офицер французской армии, вышедший в отставку в 1945 г.; он вступил в ДСАМ и стал членом Центрального Комитета этой партии. Большой почитатель Мао Цзэ-дуна и Клаузевица. Махмуд Шериф командует силами, находящимися в вилайете Аурес-Неметша.

Ламин Дебагхин, 40 лет, — кабил по происхождению, выходец из очень бедной семьи. По образованию врач, в прошлом — депутат парламента, член ДТДС; в 1954 г. он был арестован, затем освобожден и в 1955 г. присоединился к ФНО.

При первом знакомстве с политическим прошлым членов ИКК бросается в глаза, что из этих девяти его членов семь являлись активистами партии ДТДС и

только два принадлежали к ДСАМ. Но это соответствует существовавшему в стране соотношению сил между этими двумя старыми партиями. Что касается отношения членов ИКК к вопросу о переговорах с Францией, то несомненно известное преобладание «непримиримых», то есть тех, кто, по крайней мере в современной обстановке и при отсутствии иных гарантий, требует признания Францией независимости Алжира до начала переговоров о «прекращении огня» (знаменитая «предпосылка»).

Рамдан Аббан и Ламин Дебагхин, кажется, особенно твердо настаивают на этом пункте, а «военные», как и все военные, стремятся к достижению максимальных целей. Но положение меняется, когда мы переходим к рассмотрению их взглядов на будущее. Прежде всего отметим существенное обстоятельство: в ИКК полностью отсутствует панарабская тенденция. Единственный из подлинно панарабски настроенных деятелей — Тевфик Медани был удален из состава ИКК, кажется, из-за разногласий по вопросам внешней политики. Добавлю к этому, что все нынешние члены ИКК придерживаются светской тенденции, несмотря на то что некоторые из них лично являются верующими. Единственным сторонником образования «мусульманского» государства является, кажется, Бен Тобаль. Наконец, все члены ИКК придерживаются четко нейтралистской позиции в вопросах внешней политики. И не случайно они недавно отвергли исходившее из авторитетных тунисских кругов предложение образовать временное алжирское правительство¹. Они утверждают, что такое правительство

---

¹ 19 сентября 1958 г. Фронт национального освобождения объявил о провозглашении Алжирской республики и о создании в эмиграции Временного алжирского правительства, которое будет вести борьбу за освобождение Алжира.

Премьер-министром алжирского правительства является Ферхат Аббас. Состав правительства следующий:

Первый заместитель премьер-министра — Ахмед Бен Белла.

Заместитель премьер-министра и министр обороны — Крим Белькасем.

Министры без портфеля — Хусейн Рабах Битат, Мохаммед Буддиаф и Мохаммед Хидер.

Министр иностранных дел — Мохаммед Ламин Дебагхин.

Министр вооружения и снабжения — Махмуд Шериф.

Министр внутренних дел — Абдалла Бен Тобаль.

(См. прод. сноски на стр. 82).

было бы тотчас же «каталогизировано» в международном плане, получило бы признание со стороны арабских стран и стран социалистического лагеря, но не было бы признано западными державами. Очевидно, что развитие событий может внести изменение в эту позицию и что она будет зависеть от дальнейшего отношения западных держав к алжирскому национально-освободительному движению. И последнее, что мне хотелось бы отметить,— хотя само по себе это обстоятельство не имеет большого значения — вся работа в ИКК ведется на французском языке.

В вопросах внутренней политики все члены ИКК испытывают сильное влияние идей социализма, а некоторые из них являются подлинными марксистами; они уделяют очень много внимания вопросам, относящимся к экономическому и социальному будущему алжирского народа, и озабочены тем, чтоб избежать ошибок в своей политике.

Так, например, Рамдан Аббан, придерживающийся наиболее непримиримой позиции в вопросе о «предпосылке» переговоров, в то же время принадлежит к числу тех, кто более других отдает себе отчет в том, что независимый Алжир в течение весьма длительного периода не сможет обойтись одними национальными руководящими кадрами и вынужден будет прибегнуть к помощи французских граждан. Несмотря на страшную ненависть, разделяющую европейскую и арабскую часть населения

Министр коммуникаций и связи — Абдель Хафид Бусуф.

Министр по делам Северной Африки — Абдель Хамид Мехри.

Министр финансов и экономики — Ахмед Франсис.

Министр информации — Мохаммед Язид.

Министр по социальным вопросам — Юсеф Бен Хейра.

Министр культуры — Ахмед Тевфик Медани.

Временное правительство, согласно заявлению ФНО, несет ответственность перед Национальным советом алжирской революции, который является высшим органом алжирского народного движения, представляющим все слои населения Алжира.

На здании временной резиденции алжирского правительства в Каире (ОАР) 19 сентября 1958 г. был поднят алжирский флаг.

Алжирская республика официально признана Объединенной Арабской Республикой, Тунисом, Марокко, Ираком, Йеменом, Ливией, Иорданией, Саудовской Аравией, Индонезией, Китайской Народной Республикой, Корейской Народно-Демократической Республикой, Монгольской Народной Республикой, Демократической Республикой Вьетнам.— *Ред.*

Алжира, которая еще больше усилилась после того, как значительная часть европейцев, проживающих в Алжире, вступила в «добровольную милицию», руководители ФНО по-видимому считают, что именно среди европейского населения Алжира, а не во Франции смогут они найти недостающие технические кадры и административных советников.

Пробным камнем для сотрудничества между Францией и североафриканскими странами, по-видимому, должна будет послужить эксплуатация богатств Сахары, которую лидеры ИКК отнюдь не намереваются уступить Франции. Лидеры ИКК отдают себе отчет в том, что правящим кругам Франции труднее примириться с независимостью Алжира, чем с независимостью Марокко и Туниса, поскольку на алжирской территории проживает значительное европейское меньшинство (1 миллион алжирцев европейского, в том числе французского, происхождения на 8 миллионов арабов)¹. Но они заявляют, что отношения с независимым Алжиром могут содержать для Франции гораздо более конструктивные элементы, чем отношения с независимыми Марокко и Тунисом. Это, по всей видимости, верно и будет верным еще в течение некоторого времени, а именно до тех пор, пока война не уничтожит любую возможность сотрудничества между Францией и Алжиром.

Последний вопрос, затронутый мною почти со всеми встреченными в Алжире деятелями ФНО, касался террористических актов, совершающихся почти ежедневно как во Франции, так и в Алжире и направленных против алжирцев, сотрудничающих с французскими властями, и против членов Алжирского национального движения (АНД).

Ответы на этот вопрос были различные. Некоторые утверждают, что террористические акты организуются провокаторами. По мнению других, ФНО вправе вершить правосудие над предателями и коллаборационистами.

Вопрос о покушениях на членов АНД более сложный. Против Алжирского национального движения, в частности Мессали Хаджи и «генерала» Беллуниса, выдвинуто обвинение в том, что они наносят серьезный ущерб

---

¹ Согласно официальным французским данным, общая численность населения Алжира составляет 9600 тысяч человек, из них европейцев — 1200 тысяч.— *Ред.*

антифранцузской борьбе своим отказом последовать примеру других политических течений и присоединиться к ФНО. Раскольническая линия АНД дает французским колониалистам возможность «маневрировать», что наносит ущерб алжирскому восстанию. Другими словами, лидеры ФНО относятся к АНД, как командир осажденной крепости относится к части, вышедшей из повиновения. От утверждения о «вредности» линии АНД до утверждения о ее «предательском» характере совсем недалеко. Можно было бы удивляться тому пренебрежению к человеческой жизни, с которым деятели ФНО выносят решения о «ликвидации» своих противников, но я думаю, что это непосредственный результат войны. Не следует забывать, что, по данным официальных французских источников, число убитых «повстанцев», то есть членов ФНО или сочувствующих ему лиц, составляет примерно 100 тысяч. Иностранные корреспонденты называют цифру в 200 тысяч погибших, главным образом в результате массовых налетов авиации. Алжирцы увеличивают эту цифру до 400 тысяч. Но если мы даже будем считать достоверной среднюю цифру в 200 тысяч человек убитых (из 8 миллионов мусульманского населения Алжира), то пропорционально к численности населения это составило бы миллион человек для Франции, то есть примерно столько, сколько Франция потеряла в первой мировой войне. Может быть, именно в этом кроется причина того, что человеческая жизнь, особенно когда речь идет о жизни противника, не имеет большой ценности.

Все те, с кем я встречался после моего возвращения в Тунис, особенно настойчиво задавали мне следующие вопросы: каковы политические перспективы Фронта национального освобождения, какова подлинная эффективность ФНО в военном отношении, каково отношение алжирского населения к Армии национального освобождения, как долго сможет АНО нести бремя войны.

Что касается первого вопроса, то, по моему мнению, из всех политических движений арабского мира именно ФНО открывает перспективы, представляющие особый интерес. Я уже писал о том, что внутри АНО ведение пропаганды в пользу той или иной партии запрещено и что это вызвано стремлением устранить любую попытку внутреннего раскола; такая линия, направленная против традиционных националистических партий, ис-

ходит из принципа, что революция является делом «всего алжирского народа». Лишь после окончания войны каждый сможет вновь обрести свободу политических действий. Конечно, это не означает, что в армии не говорят о политике. Я бы даже сказал, что политический уровень АНО очень высок. Вот почему я думаю, что именно в ее рядах зарождается массовая партия независимого Алжира, партия Фронта национального освобождения, с явно выраженными социалистическими тенденциями.

Чтобы ответить на второй вопрос, следует сказать, что бойцы АНО обладают достаточным вооружением. Три года тому назад АНО состояла из небольших групп людей, вооруженных охотничьими ружьями. Сегодня — это регулярная армия (возможно, одна из наилучше организованных армий арабских стран), которая из стратегических соображений применяет тактику партизанской борьбы. Я, конечно, не думаю, что АНО могла бы разгромить французскую армию в открытом сражении. Но в то же время я считаю исключенным, чтобы французы могли одержать верх над алжирцами.

Поддержка, оказываемая Армии национального освобождения сельским населением, несомненна. Поддержка, оказываемая АНО населением городов, которая также является надежной, по всей видимости, не является столь горячей. Когда я в беседе с офицерами АНО о тактике партизанской войны упомянул о том, что итальянскими партизанами во время второй мировой войны был занят город Домодоссоло, один из них ответил мне: «Мы могли бы поступать таким же образом, но затем наши города были бы разрушены французской авиацией. Городское население на нашей стороне, оно помогает нам, но я не знаю, захочет ли оно пойти на самоубийство. И, наконец, не в наших интересах занятие больших центров».

И, наконец, на последний вопрос: как долго сможет АНО нести бремя войны? — я думаю ответить словами полковника, командующего Восточной базой, уже приведенными мною в начале этой книги: «Еще десять лет, если потребуется!»

НЕКОТОРЫЕ ДОКУМЕНТЫ АЛЖИРСКОГО НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

МАНИФЕСТ, ПРОВОЗГЛАСИВШИЙ ВОССТАНИЕ

Алжирский народ, борцы за национальное дело!

Обращаясь к вам с этим воззванием, мы преследуем цель разъяснить всем, кто призван судить нас,— всему народу, и в первую очередь борцам за национальное дело, глубокие причины, послужившие толчком к нашему выступлению. Мы сообщаем вам нашу программу, разъясняем значение наших действий, обоснованность наших целей, направленных на достижение национальной независимости в пределах Северной Африки. Нашей целью является также избавить вас от замешательства, которое могло бы быть внесено империалистами и их агентами, чиновниками и подозрительными политиками.

Прежде всего скажем о том, что после долгих лет борьбы национальное движение вступило в заключительную стадию, предшествующую достижению цели. Если исходить из того, что наше революционное движение направлено к созданию условий для освобождения, то мы думаем, что, с точки зрения внутреннего положения, наш народ объединен лозунгом независимости и волей к действию, а, с точки зрения внешних условий, климат разрядки международной напряженности благоприятствует урегулированию проблем малого масштаба, а к ним принадлежит и наша, которая может быть урегулирована прежде всего при поддержке наших арабо-мусульманских братьев. События в Марокко и Тунисе глубоко показательны для процесса борьбы за освобождение всей Северной Африки. Здесь следует отметить, что мы с давних пор являемся предвестниками еще, к сожалению, не

осуществленного единства действий между тремя странами Северной Африки.

Сегодня эти страны решительно вступили на путь борьбы, а мы, отстав от них, испытываем участь тех, кого обогнали. Наше национальное движение, приведенное к молчанию годами неподвижности, плохо ориентированное, лишенное необходимой поддержки народного мнения, превзойденное событиями, медленно распадается к великому удовольствию колониалистов, которые полагают, что одержали самую большую победу в своей борьбе против передовой части алжирского народа. Создавшееся положение крайне серьезно!

Перед лицом сложившейся ситуации, которая может оказаться непоправимой, группа молодых и ответственных за свои действия сознательных борцов, сплотив вокруг себя большинство еще не подвергшихся вредным влияниям и полных решимости людей, сочла, что настал момент вывести национальное движение из того состояния застоя, в которое его привела борьба за личное влияние, и направить его на путь подлинно революционной борьбы, которую мы будем вести плечом к плечу с нашими марокканскими и тунисскими братьями.

Считаем необходимым уточнить, что мы сохраняем свою независимость от обоих кланов, оспаривающих между собой власть. Ставя национальные интересы выше всех мелочных и ошибочных соображений личного престижа и приводя движение в соответствие с революционными принципами, мы заявляем, что наши действия направлены исключительно против колониализма — единственного врага, который всегда отказывал нам в минимальной свободе, когда мы пытались достичь ее средствами мирной борьбы.

Мы думаем, что эти причины достаточны для того, чтобы наше движение обновления могло выступить под названием Фронта национального освобождения, избавившись таким образом от всевозможных компромиссов и предоставив всем алжирским патриотам, представителям всех социальных классов, всех тенденций и всех алжирских по своему характеру групп, возможность включиться в освободительную борьбу, не ограничивая себя никакими иными соображениями.

В целях достижения большей точности излагаем здесь в основных чертах нашу политическую программу.

Цель: Достижение национальной независимости путем:

1) возрождения суверенного алжирского государства, которое в рамках принципов ислама будет демократическим и социальным;

2) уважения всех основных свобод без различия расы и вероисповедания.

Внутренние задачи:

1) политическое оздоровление путем возвращения национального революционного движения на правильный путь и уничтожения коррупции и реформизма, приведших к нашему нынешнему регрессу;

2) концентрация и организация здоровой энергии алжирского народа, направленной на ликвидацию колониальной системы.

Внешние задачи:

1) интернационализация алжирской проблемы (придание этой проблеме международного характера);

2) осуществление североафриканского единства в естественных арабо-мусульманских рамках;

3) подтверждение нашей симпатии ко всем нациям, которые поддержат нашу освободительную борьбу в рамках Организации Объединенных Наций.

Средства борьбы:

в соответствии с революционными принципами и учитывая внутреннюю и внешнюю ситуацию, мы будем всеми средствами продолжать нашу борьбу вплоть до осуществления нашей цели.

Для этого Фронту национального освобождения предстоит осуществить две основные задачи: внутреннюю задачу, как в политическом плане, так и в плане непосредственного действия, и внешнюю задачу, которая сводится к превращению алжирской проблемы в реальность для всего мира и к получению поддержки всех наших естественных союзников.

Это трудные задачи, требующие мобилизации всей энергии и всех национальных ресурсов. Мы знаем, что борьба будет длительной, но успех ее несомненен.

Наконец, для того чтобы избежать кривотолков и двусмысленности, доказать наше подлинное стремление к миру, к предотвращению потери человеческих жизней и кровопролития, мы выдвигаем почетную платформу для переговоров с французскими властями, если они бу-

дут исходить из доброжелательного отношения и окончательного раз и навсегда признания за народами права располагать своей судьбой.

Вот положения этой платформы:

1) признание алжирской национальности путем официального решения, отменяющего все эдикты, декреты и законы, которые, презрев историю, географию, язык, религию и обычаи алжирского народа, превратили Алжир во французскую землю;

2) начало переговоров с уполномоченными на то представителями алжирского народа на основе признания единого и неделимого суверенитета Алжира;

3) создание атмосферы доверия путем освобождения всех заключенных в тюрьмы по политическим мотивам, отмена всех чрезвычайных мер и любых форм преследования сражающихся сил.

В ответ на это:

1) будут соблюдаться все интересы французов, будь то культурного или экономического порядка, а также неприкосновенность всего приобретенного честным путем имущества; будут уважаться все французские граждане — они и их семьи будут пользоваться неприкосновенностью;

2) все французы, желающие оставаться в Алжире, будут пользоваться правом выбора между алжирской и французской национальностью; они будут рассматриваться как иностранцы, на основании действующих законов, либо же оптируют алжирскую национальность со всеми правами и обязанностями, которые отсюда вытекают;

3) связи между Францией и Алжиром будут определены позднее и явятся предметом соглашения между двумя странами, достигнутого на основе равенства и взаимного уважения.

Алжирец! Мы призываем тебя подумать об этой нашей Хартии. Твой долг присоединиться к ней и спасти нашу страну, вернув ей свободу. Фронт национального освобождения — это твой фронт, его победа — твоя победа. Мы же, решив продолжать борьбу, уверены в твоих антиимпериалистических чувствах и все лучшее, что есть в нас, отдаем родине.

1 ноября 1954 г.

Секретариат ФНО

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДОКТРИНА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА АЛЖИРСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

(Заявление ФНО тунисской газете «Аксьон»)

Первый вопрос. Печать и французские политические деятели изображают алжирское Сопротивление как движение:

- а) зависимое от заграницы (особенно от Египта),
- б) лишенное политического руководства,
- в) уклоняющееся от переговоров (из экстремизма либо отсутствия веры в собственные силы).

Можете ли вы при помощи примеров доказать обратное?

Ответ. Известно, что печать и некоторые французские политические деятели изображают сегодня алжирскую революцию как движение, зависимое от Египта. Это клевета. Алжирская революция есть дело самих алжирцев. Говоря о вооружении алжирских сил Сопротивления, сам французский генштаб признал, что вначале АНО располагала лишь охотничьими ружьями, материальной частью, списанной с вооружения, автоматическим оружием, захваченным у противника, и различными материалами, добытыми патриотами, в массовом порядке дезертировавшими из французской армии.

Та же печать и те же люди, в зависимости от их собственного мнения, уже изображали алжирское Сопротивление как искусственную комбинацию, созданную извне и руководимую Вашингтоном, Лондоном и Москвой.

В виде примера можем напомнить утверждения нацистов о том, что французское Сопротивление состояло из находящихся вне закона бандитов, финансируемых евреями-масонами Лондона, Вашингтона и Москвы.

Тунис и Марокко также познали эту классическую кампанию клеветы.

А ведь братское и бескорыстное гостеприимство, которым алжирские делегаты пользовались в странах Бандунга и Дальнего Востока, не может ни в коей мере быть сопоставлено с приемом, который был оказан в Лондоне французскому Комитету, возглавлявшемуся де Голлем.

Необоснованную клевету, направленную против алжирского Сопротивления, постигнет столь же бесслав-

ный конец, какой постиг клевету, направленную против освободителей Франции.

Все это не может помешать нам в условиях полной независимости выразить нашу признательность арабским странам, народам Бандунга и вообще всем государствам и лицам, которые конкретно выразили или выразят в дальнейшем свою солидарность в отношении страдающего Алжира.

Утверждают, что наше движение лишено политического руководства.

Само по себе то обстоятельство, что алжирская революция не была обезглавлена,— а ведь это произошло бы, если бы речь шла об анархическом восстании,— что революция развивалась с полного согласия всей нации, а ФНО в течение года удалось заменить собой политические партии, существовавшие десятилетиями, в том числе и партию Мессали, политическая линия которого провалилась, является достаточным доказательством того, что сражающийся Алжир обладает светлыми политическими умами.

Утверждают, что наше движение уклоняется от переговоров из экстремизма либо из отсутствия веры в свои силы.

Здесь уместно напомнить, что до настоящего момента только мы наметили основу для возможных искренних переговоров. На наше предложение французские власти ответили лишь быстрым усилением всех мер коллективного подавления, убийствами десятков тысяч невинных алжирцев, среди которых были женщины, старики и дети, облавами, разрушением мехт, бомбардировками дуаров и т. д.

Мы и сегодня считаем действительным предложение начать переговоры. Наша уверенность в несомненном нашем торжестве стала полной благодаря значительному усилению нашей военной организации, которая сегодня является единой и непобедимой, вынуждая французских генералов публично признать абсолютную невозможность для Франции решить алжирский вопрос военным путем (в этом плане достаточно красноречивым является их призыв к «атлантической солидарности»).

Второй вопрос. Для Алжира важнее всего стать государством, добиться признания этого от Франции

и от всего мира. Это исходная точка, уже содержащая решение, как писал Бургиба. Согласны ли вы с этим утверждением?

Ответ. ФНО готов вновь заявить о том, что возможное «прекращение огня» может иметь место лишь в том случае, если Франция вместе с прекращением колониального режима признает независимость Алжира, правительство которого вступит с французским правительством в переговоры на основе абсолютного равенства, с тем чтобы определить будущие алжиро-французские отношения.

Третий вопрос. В борьбе за освобождение Алжира вы рассчитываете лишь на военную силу и веру, воодушевляющую алжирское Сопротивление, или также на поддержку части общественного мнения во Франции?

Ответ. Алжирцы прежде всего рассчитывают на самих себя, и опыт освобождения колонизованных народов показывает, что вооруженная борьба, к которой нас вынуждает французский колониализм, есть наиболее действенное средство для продвижения вперед по пути, ведущему к достижению национальной независимости.

Но военные действия должны быть дополнены политическими действиями.

Общественное мнение Франции, высказавшее во время избирательной кампании свое благожелательное отношение к миру в Алжире, в последнее время под влиянием беспрецедентного нажима колониалистов, клеветующих на алжирскую революцию, изображая ее как расистское и теократическое движение, основанное на ненависти к иностранцам, склоняется к более непримиримой позиции.

Но мы счастливы отметить некоторую эволюцию, происходящую в Алжире, и приближение известного числа алжирцев европейского происхождения к мысли о переговорах и о мире.

Некоторые алжирцы европейского происхождения все более осознают подлинно братские чувства, которые испытывает по отношению к ним ФНО, и многие из них уже в настоящее время с гордостью добиваются предоставления им алжирского гражданства.

Мы рассчитываем на самих себя, но придаем также большое значение помощи, которая может быть

оказана нашему справедливому делу прогрессивной частью французского народа, сегодня в недостаточной степени информированного о чудовищных преступлениях, совершаемых в Алжире от его имени.

Однако несомненно, что представители французского прогрессивного движения являются сегодня, хоть и в весьма слабой степени, единственной связью, способной сохранить, если это еще не поздно, будущее франко-алжирских отношений.

Четвертый вопрос. Считаете ли вы, что независимость Туниса и Марокко, достигнутая сепаратно, может быть полезна для Алжира? Какова ваша точная концепция североафриканской солидарности и будущего Северной Африки?

Ответ. Мы думаем, что без независимости Алжира независимость Туниса и Марокко является обманом.

На самом деле тунисцы и марокканцы не забыли, что завоевание их стран Францией последовало за завоеванием Алжира.

Северная Африка является единым целым.

Заблуждаются те, кто полагает, будто Марокко и Тунис могут быть полностью независимы, в то время как Алжир останется под игом колониалистов.

Если Франция отказывается предоставить независимость Алжиру, то это значит, что она неискренна по отношению к Тунису и Марокко и рассчитывает вновь завоевать эти страны, как только международное положение окажется для нее более благоприятным.

К тому же нужно отметить, что марокканские и тунисские лидеры в своих недавних заявлениях выразили точку зрения, совпадающую с точкой зрения ФНО.

Высказав это, ФНО полагает, что будущее Северной Африки сможет окончательно определиться лишь в рамках федерации трех североафриканских государств.

Мы думаем, что это является необходимостью для трех народов Магриба, которые, помимо их естественной близости, будут тесно связаны друг с другом общими законными интересами, в условиях братского и абсолютного равенства.

Кроме того, мы полагаем, что три народа Магриба будут заинтересованы в организации совместной обороны, в проведении общей политической линии и в

совместных дипломатических действиях, в установлении свободного обмена, в общем и рациональном плане переоборудования, снабжения и индустриализации, в общей валютной политике, в обмене техническими специалистами, в культурном обмене, в совместной эксплуатации недр и соответствующих районов Сахары.

Мы, алжирцы, считаем, что объединение наших усилий в североафриканской федерации позволит федерации играть первостепенную роль в деле оказания всеми средствами помощи освобождению всех еще угнетенных народов, особенно народов Черной Африки, способствуя тем самым установлению во всем мире подлинного мира в рамках Организации Объединенных Наций.

Пятый вопрос. Каков будет статут европейцев в алжирском государстве?

Ответ. В свободном алжирском государстве европейское меньшинство будет полностью пользоваться всеми правами и обязанностями наравне с алжирскими гражданами, без какой-либо дискриминации.

Все те, кто свободно изберет французское гражданство, будут рассматриваться как иностранцы, с предоставлением им гарантий, основанных на уважении к человеческому достоинству.

Приобретенная честным путем частная собственность будет полностью гарантирована.

Шестой вопрос. Не могли бы вы кратко, в своего рода обращении к мировому общественному мнению, уточнить причины вашей борьбы, её методы, задачи и конечные цели?

Ответ. ФНО сражается за национальную независимость, которая одна лишь способна окончательно положить конец бесчеловечному колониальному режиму, угнетающему Алжир.

Для достижения этой цели ФНО учитывает вековой опыт борьбы алжирского народа за свою свободу и суверенитет.

Реформистские методы (петиции, делегации, парламентские действия и т. д.) окончились провалом. Своей неисправимой слепотой французский колониализм вынудил алжирский народ прибегнуть к последнему средству — к вооруженной борьбе.

Вот почему ФНО предпринял мобилизацию всей национальной энергии для разрушения колониалист-

ской мощи противника и уничтожения путем использования всех средств революционной борьбы его военной, полицейской, административной, экономической, политической и дипломатической организации. Нашими непосредственными задачами являются:

1) создание суверенного алжирского государства со своим правительством, со своей армией и со своей дипломатией;

2) проведение всеобщих выборов в Национальное учредительное собрание;

3) осуществление аграрной реформы.

Нынешняя ограниченность этих задач свидетельствует о стремлении ФНО прежде всего добиться осуществления священного права народа на независимость.

Ясно, что сегодня нельзя предвидеть, каков будет окончательный и суверенный выбор алжирского народа по вопросу о конкретном содержании концепции независимости.

С самого начала алжирской революции все ее документы и вся деятельность ФНО постоянно свидетельствовали о полном отсутствии фанатизма, расизма и ненависти к иностранцам.

Увековеченные колониализмом пережитки феодального режима исчезнут с предстоящим торжеством алжирской революции.

Алжирское государство не будет ни монархией, ни теократией, как утверждают французские газеты и политические деятели с целью напугать общественное мнение и попытаться нас изолировать.

Эта позиция ФНО вместе с тем является верным отражением стремления алжирского народа к подлинной демократии, что позволяет нам уже теперь уверенно утверждать, что алжирское государство будет современной республикой.

ОБРАЩЕНИЕ К МОЛОДЫМ ФРАНЦУЗАМ ПРИЗЫВНОГО ВОЗРАСТА

Французский народ во время последней войны взял в руки оружие, чтобы изгнать нацистского захватчика.

Исходя из тех же стремлений к национальному освобождению, алжирский народ взял в руки оружие 1 ноября 1954 г.

Доблестная Армия национального освобождения, еще вчера представлявшая собой горстку плохо вооруженных и плохо снабжавшихся людей, а сегодня обладающая мощными боевыми частями, закаленными на войне и имеющими хорошее вооружение, победоносно шагает вперед по пути независимости.

Под руководством мудрого и дальновидного ФНО, пользуясь безграничной поддержкой нашего народа-страдальца, чья воля единодушна и негибнута, АНО добьется от французского правительства и партии колониальной войны свободы и благосостояния.

В своей острой и трудной войне алжирский народ рассчитывает на своих естественных союзников. Он знает, что его законная борьба за суверенитет отождествляется с борьбой французского народа за демократию и против фашизма, за согласие между всеми народами.

Алжирский народ не находится в неведении по поводу того, что многие французские солдаты призывного возраста были посланы в Алжир вопреки своей воле. В ходе операций по выгрузке, во время марша к казармам и при доставке в зону военных действий они являлись предметом строжайшего наблюдения и по отношению к ним применялись драконовские меры.

Значительным стало число солдат, которые энергично отказывались высаживаться в алжирских портах, не желали отправляться на фронт и воевать против частей АНО. Многие, желая остаться верными идеалам справедливости и свободы, предпочли тюрьму.

С каждым днем эта кампания борьбы за независимость, кампания борьбы против фашизма все больше развивается и крепнет во Франции и в Алжире.

Французские солдаты, смело взяв на себя ответственность, выложите конец бессмысленной и братоубийственной войне, вы прекратите убийство невинных гражданских лиц и тем самым послужите делу демократии и республики во Франции, делу защиты законного права алжирского народа на жизнь и независимость.

Да здравствует независимость Алжира!

Да здравствует демократия во Франции!

Долой колониализм!

АЛЖИР ПРИНАДЛЕЖИТ АЛЖИРЦАМ

ЛАРБИ БУХАЛИ

*Первый секретарь
Алжирской коммунистической партии*

...Было бы серьезной ошибкой предполагать, что движение Сопротивления в Алжире началось лишь 1 ноября 1954 г. В действительности оно открывается в 1832—1847 гг. эпопеей славного алжирского героя эмира Абдель Кадера и продолжается в самых различных формах до наших дней. Алжирцы неоднократно поднимали оружие против захватчиков: восстание зибанов, восстание в районах Ореса и Оазисов в 1851 г., восстания племен Бени Снассен и Улед-Сиди-Шейх, а также в Кабилии во главе с Мохамедом эль Мокрани в 1871 г. В 1882 г. племя Улед-Сиди-Шейх снова поднимает восстание. В 1916 г. происходят восстание в Оресе и восстание племени Бени Шугран.

В период между двумя мировыми войнами зародилось и развилось национальное движение современного типа. Его требования постоянно отклонялись Францией, хотя первоначально они носили мирный, реформаторский характер. После второй мировой войны национальные политические партии, а также рабочие профсоюзы и некоторые культурные и религиозные организации, как, например, ассоциация мусульман-улемов, пытались легальным путем добиться справедливого и мирного решения алжирской национальной проблемы. В ответ французские колонизаторы, желавшие удержать свое господство и привилегии, стали все чаще применять силу.

В мае 1945 г., например, когда все народы праздновали победу над гитлеризмом и вместе с ними ликовали алжирские массы, продемонстрировавшие свою волю к

свободе, колонизаторы воспользовались этим для чудовищной провокации, в результате которой французская военщина за несколько месяцев убила 45 тысяч алжирцев. Колонизаторы надеялись потопить в крови национальные чаяния нашего народа.

1 ноября 1954 г. алжирский народ был снова вынужден взяться за оружие, чтобы вести войну национального освобождения, ибо он не мог смириться с политической насилью, ущемлявшей его национальные чувства. Все вышесказанное ясно показывает, что современная национально-освободительная война — не изолированный факт, не случайное явление, а закономерное продолжение векового сопротивления алжирского народа колонизаторам.

Восстание 1 ноября 1954 г. было начато не группой партий и даже не какой-нибудь одной из существовавших тогда партий, а группой молодых патриотов со скромным социальным положением — выходцами из мелкой буржуазии и рабочих. Они опирались на беднейшее крестьянство, составившее основу первых партизанских отрядов в горах. Организаторы восстания создали затем Фронт национального освобождения (ФНО) и действующую под его руководством Армию национального освобождения. Алжирский народ, который не видел иного выхода из своего невыносимого положения, кроме вооруженной борьбы, активно откликнулся на призыв ФНО. Все существовавшие до того националистические партии и организации распались, их члены влились в единые организации ФНО. Все социальные слои алжирского народа — крестьяне, рабочие, интеллигенция, мелкая буржуазия, буржуазия и даже многие феодалы, порвавшие с колониальной администрацией, — ведут сегодня в той или иной форме борьбу за освобождение.

Национальное единство алжирского народа было, таким образом, выковано в борьбе, возглавляемой Фронтом национального освобождения. Полностью сознавая ее значение, алжирцы не отступают ни перед какими жертвами, добиваясь торжественного признания своего права на независимость. Они повсеместно поддерживают, по мере возможности, объединенную армию Национального освобождения с единым командованием, проводящим единую стратегию. Этой армией руководят обученные кадры, вооружение ее постоянно улучшается.

Никогда еще французские империалисты не сталкивались в Алжире с так хорошо организованным вооруженным сопротивлением.

Алжирцы знают, за что борются, во имя чего идут на огромные жертвы. Уже на съезде в Суммаме 20 августа 1956 г. ФНО указал, что целями его являются: независимость алжирской нации, установление демократической и социальной республики, коренная аграрная реформа, право европейцев в Алжире на алжирское гражданство наравне с коренными жителями, новые отношения с Францией на основе свободы и равенства, прочные связи с Тунисом и Марокко в рамках североафриканского союза, одобрение принципов Бандунга.

Алжирская коммунистическая партия полностью и всесторонне участвует в освободительной борьбе своего народа. В 1956 г., содействуя объединению всех национальных вооруженных сил, партия по соглашению с Фронтом национального освобождения распустила находившиеся под ее контролем вооруженные группы и включила их в Армию национального освобождения. Коммунистическая партия призывает коммунистов, тех, кто им сочувствует, и всех трудящихся Алжира осуществить профсоюзное единство в рамках единого национального профсоюзного центра — Всеобщего союза алжирских трудящихся.

Пойти на самороспуск и призвать коммунистов индивидуально вступить в ФНО, как предлагал Фронт национального освобождения, Алжирская коммунистическая партия не сочла правильным. И не только потому, что подобный акт противоречил бы принципам партии. Алжирские коммунисты убеждены, что в качестве организованной партии рабочего класса и беднейшего крестьянства, партии, вооруженной марксистско-ленинской теорией, они лучше смогут служить делу сражающегося Алжира. Однако, сохраняя свою политическую и организационную самостоятельность, наша партия решительно поддерживает антиимпериалистическую деятельность ФНО, с которым она желает крепить единство действий...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к итальянскому изданию	3
В Тунисе. Я вступаю в контакт с Фронтом национального освобождения	5
Это Алжир	14
В штабе первого батальона	21
Джема	25
Военные	29
Прошлое и настоящее	37
В огне партизанской войны зарождается Алжирское государство	44
Марш на сближение с противником	51
Неудавшаяся засада	57
Атака у Айн-Зана	62
Французские солдаты пишут домой	68
По ту сторону линии Мориса	71
Алжир остался позади	76
Штаб алжирской революции	78

П Р И Л О Ж Е Н И Я

Некоторые документы алжирского национально-освободительного движения	86
Манифест, провозгласивший восстание	—
Революционная доктрина и политическая программа алжирского Сопротивления	90
Обращение к молодым французам призывного возраста	95
Алжир принадлежит алжирцам. <i>Ларби Бухали, Первый секретарь Алжирской коммунистической партии</i>	97

РАФФАЭЛЛО УБОЛДИ
Запрещенный репортаж

Редактор *Ф. Вейнберг*
Перевод с итальянского *Г. Брейтбурда*
Художник *Н. Витинг*
Художественный редактор *Н. Симагин*
Технический редактор *Н. Трояновская*

Сдано в набор 20 февраля 1959 г. Подписано в печать 18 мая 1959 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 3¹/₈. Условн. печ. л. 5,12; Учетно-изд.
л. 5,2. Тираж 35 тыс. экз. А 01678. Заказ № 214. Цена 1 р. 20 к.

Госполитиздат. Москва, Д-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Министерства
культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

1 р. 20 к.

С 1-го января 1961 г.
цена _____ руб. 12 коп.

НОВАЯ ЦЕНА
0 р. 06

ГОСПОЛИТИЗДАТ
1959

14